

Нестабильная

Автор:

Рина Лесникова

Нестабильная

Рина Лесникова

Этталия многие столетия живет по устоявшимся законам. И в первую очередь они незыблемы для королевской семьи. Все права, обязанности и даже магические способности её членов давно расписаны. У мужчин – свои, у женщин – свои. Но как быть королю, если огненный дар достался дочери, которая не имеет права наследовать трон? Смириться? А может, стоит попытаться самостоятельно исправить досадную ошибку богов? Что? Ошиблись не боги, а король? Богам всё равно, кто виноват, и нести ответственность за самоуправство короля придётся принцессе Леоните. Суровый замок около самой границы с запредельными землями. Здесь не живут слабые и изнеженные. И что прикажете делать нелюдимому, озлобившемуся стражу Сарту Вентеру, которому ни с того ни с сего навязывают нового напарника – маленького рыжего неумеху? Смогут ли они найти общий язык? В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Рина Лесникова

Нестабильная

Пролог

– Бабушка Нери, ну бабушка, расскажи сказку про Леониту!

– Какая же это сказка, внученька. Всё это не сказка, а самая настоящая быль. Леонита Энери и правда жила когда-то в Этталии.

– Бабушка, но ведь её жизнь так похожа на сказку! Неужели всё так и было?

– Может, и не всё. Может, люди чего и придумали, как без этого. Чему в этой истории верить, а чему – нет, каждый решает сам.

Старая Нерга устроилась поудобнее и начала свой рассказ:

– Раньше оно ведь как было: в чём-то люди жили проще, а в чём-то и сложнее. И маги были не чета нынешним, и драконы самые настоящие, боевые, а не декоративные. И опасности людей поджидали смертельные.

Это только в сказках короли сидят на своих тронах и командуют подданными. А в жизни им приходилось стократ тяжелее, чем простым людям. Да, прав у всяких там королей да императоров было больше. Но и обязанностей и ограничений было немало. Простые люди, они ведь как? Родился маг и родился. Расти, учись, овладевай своей магией да служи на пользу всем. Но то ж простые люди. А у королей свои законы. Править нашим королевством в те смутные времена мог только мужчина. Видите ли, считалось тогда, что слишком слабы женщины, чтобы править. И дар магический правитель должен был иметь подобающий – огненный. Дар силы и власти. А коли женщине нет места у власти, то и дар огненный ей, стало быть, не полагается.

И было тогда у королей ещё одно правило – обязательно представлять новорожденных принцев и принцесс богам в их храмах. После того, как бог стихии признавал своего адепта, признавал его и король. Ох и жестокое, скажу я вам, правило! Не все младенчики выдерживали то представление. Те, кому магии меньше отмерено, бывало, и помирали прямо в храме. Не нужны, стало быть, такие дети были богам.

С этого и началась наша история – история Леониты.

– Роэнс! Как такое могло получиться! – его величество Дейриг Восьмой Рогеннар был не просто зол, он был в бешенстве. – Я, как последний идиот, соблюдал все твои советы! День зачатия, место зачатия, даже позу!.. Б-болван! – король безнадежно махнул рукой. – И что? Что в итоге мы имеем?! Что ты мне обещал все девять месяцев?! Где? Я тебя спрашиваю, где мой наследник?!

– Э-э, ваше величество, – придворный маг магистр Роэнс старался занять такое место, чтобы между ним и разгневанным королём находилось хотя бы кресло, благо в королевском кабинете мебель была очень массивная, под стать хозяину кабинета – широкоплечему могучему мужчине лет тридцати пяти на вид, – я вам ничего не обещал. Лишь говорил, что вижу огонь, зарождающийся в чреве её величества.

– Огонь! Но это ли не значит, что королева должна была родить сына?! Если младенец осенён благодатью Дуарха, то где мужские причиндалы? Может, скажешь, что ещё не выросли? К Нихоту все твои расчёты! Они не стоят и ломаной медяшки! О Дуарх, и это наш лучший провидец! За что? За что мне это?

– Ваше величество, – осторожно начал Роэнс, – вам ли не знать, как сложно интерпретировать знаки судьбы. Прогноз сбылся в главном. Огненная магия в младенце очень сильна.

– Да, конечно, и не сбылся-то он в мелочи. Королева родила девочку. Де-во-чку! А по закону наследовать трон может только мужчина! Ни боги подобного не допустят, ни люди. Не удивлюсь, если она легко перенесёт представление огненному Дуарху. Но стране нужен наследник! Наследник мужского рода.

– Мой король, это может быть знак!

– Какой ещё знак, Роэнс? Не ищи снег в пустыне, закон есть закон.

– Законы пишутся людьми, – магистр низко склонился, ожидая, когда король будет готов слушать его дальше. – Но, ваше величество, я могу высказать предположения.

– Нужны мне твои предположения! – Дейриг досадливо поморщился и махнул рукой, однако, подумав, небрежно бросил: – Впрочем, давай!

– Это может быть как волей богов, так и их ошибкой. Ваш покойный батюшка любил говаривать: «И боги могут ошибаться», – услужливая память тут же подбросила обоим собеседникам моменты, когда вечно пьяный король Дейриг Седьмой повторял эти слова. – Но... могут быть и другие варианты, – Роэнс испытующе глянул на его величество.

– И что же это за варианты? – король с подозрением глянул на своего придворного мага.

– А что если предположить, что магический дар людям даётся не только волей богов?

– А чьей же ещё?

– Я понимаю, это не афишируется. Но вам ли не знать: среди предков её величества королевы Нитасии была легендарная архимагистр, – Роэнс многозначительно смолк, но, заметив, как при таком предположении нахмурился король, предложил ещё один вариант: – Или же ваш огонь настолько силён, что преодолел магию воздуха королевы. Посмотрите, как похожа на вас ваша дочь. Но... – магистр осекся.

– Что-то мне не нравится твоё «но», – скривился король, – что ты не договариваешь, Роэнс?

– Э-э, видите ли, ваше величество, – придворный маг замялся, но под тяжёлым взглядом монарха продолжил, – может случиться так, что этой девочке достался весь наследный огонь, и когда милостивая Крейна благословит ваш брак младенцем мужского пола, ему придётся довольствоваться крохами... Поэтому я и сказал о знаке.

– По-твоему, боги появлением на свет одарённой принцессы подают знак, что на престол может взойти и женщина?!

– Это вы сказали, ваше величество, – магистр Роэнс на всякий случай попятился к двери.

- Может быть, Роэнс, богам и плевать на наши замшелые законы. Может быть. Но я-то не бог! Я всего лишь король! Что же нам делать?
- Может... сообщить, что младенец не выжил? – осторожно намекнул придворный маг.
- Уж не предлагаешь ли ты мне убить моего ребёнка?! – его величество угрожающе приподнялся в массивном кресле.
- Что вы, что вы, ваше величество, это всего лишь мысли вслух! – магистр понял, что король не на шутку разгневался. – Есть и другие варианты.
- Не юли! Что ещё за варианты ты выдумал?
- Оставить малышке жизнь и огонь, но лишить имени. Или же... оставить имя, но лишить огня.
- Про первое я не хочу слышать. Объясни второй вариант!
- Стихия королевы – воздух, – придворный маг низко поклонился, пряча взгляд и ожидая, что король сам поймёт недосказанное.
- И что? Ты считаешь, что открыл великий секрет? – его величество подошёл к столику и налил себе вина из стоящего там графина.
- Никому не покажется странным, если мы объявим, что стихия новорожденной принцессы – воздух. Это даже не будет ложью, ведь воздух тоже со временем будет ей подвластен. Вы лишь... подкорректируете ошибку богов.
- То есть ты предлагаешь представить мою дочь не огненному Дуарху, а богу воздуха Тариоху?
- Вы сами сказали это, ваше величество.
- И девочка может не пережить этого представления, – тихо проговорил король, наблюдая за игрой солнечных лучей на стенках бокала.

- Но так у неё хотя бы появится шанс...

Дейриг взял графин и наполнил второй бокал.

На следующий день было объявлено, что новорожденная принцесса Леонита Илеста Миолина Энери получила стихию своей матери - воздух - и в положенное время будет представлена покровителю магов воздуха - Тариоху.

- Нянюшка, согласитесь, наша малышка прекраснее всех на свете, - королева нежно гладила золотистый пушок на голове своей новорожденной дочери.

- Конечно, это так и есть, - уверенно подтверждала слова своей воспитанницы няня Арентина, - она даже краше, чем вы в её возрасте! Только волосики у вас разные, ваши белые с голубым отливом, а у нашей Леониточки - рыженькие, как у папеньки.

- Меня больше озадачивает другое. Роэнс сказал, что стихия Леониты - воздух, но малышка совсем на него не откликается. Вот, смотри, - королева легко подула на личико дочери, та недовольно сморщилась и захныкала, - не нравится. Как такое может быть? Пусть она ещё не представлена Тариоху, но стихия уже должна быть в ней!

- Это верно. Вы, ваше величество, всегда смеялись, когда я подставляла ваше голенькое тельце ветру. Вы как будто купались в нём.

- Ветер - это так здорово, няня Тина! - королева мечтательно улыбнулась.

- Не моё это, конечно, дело, я простая безграмотная нянька и в магиях ваших ничего не понимаю, но посмотри, Нита, как наша малышка смотрит на огонь, - нянька королевы повернула новорожденную к камину, и глаза малышки при виде пламени засветились неподдельным счастьем.

- И это странно. Пока я вынашивала мою крошку, Роэнс говорил, что стихия младенца - огонь, - задумчиво произнесла королева, - потому король и ждал наследника. А родилась девочка... с воздушным даром. Няня, я должна найти

Роэнса!

– Велеть пригласить его?

– Да. Пусть придёт! И, чем скорее, тем лучше!

На закате четырнадцатого дня, юную принцессу Леониту Илесту Миолину Энери, как и положено, представили покровителю стихии. К сожалению, мать новорождённой, королева Нитасия, была ещё слишком слаба, чтобы присутствовать при обряде, и в храм бога ветров Тариоха малышку заносила старшая жрица. Она взяла девочку из рук доверенной нянюшки и скрылась с ней за дверьми святилища. Там жрица с почтительным поклоном положила ребёнка на алтарь и удалилась. Будущей магине воздуха предстояло провести ночь в храме бога-покровителя, чтобы пройти первый этап обретения стихии.

После того как за ушедшей старшей жрицей гулко закрылись двери храма, из темной ниши, в которой стояла статуя одного из духов ветра, вышла облачённая в свободные одежды жрицы воздуха женщина. Она направилась прямо к статуе Тариоха, летящим изваянием возвышающейся над алтарём. Лишь на мгновение странная посетительница задержалась около лежащей на плоском камне малышки, бросила на неё мимолётный взгляд и, сделав несколько шагов, пала ниц перед своим богом. Неизвестно откуда взявшийся слабый ветерок пробежался по её одежде и распущенным светлым волосам.

– Господин мой и Покровитель, – начала она, подняв голову и остановив взгляд на ступнях каменного изваяния, – ты всегда давал мне понять, что я – одна из твоих любимых дочерей. Ты давал мне силу и делился своей любовью. Но сейчас я прошу не за себя. За дочь свою прошу. Я знаю, ты всё видишь. И мои мысли, и её силу. Но я всё равно прошу, умоляю! Прими девочку под своё крыло!

В лицо женщины ударил холодный ветер с неизвестно откуда взявшимися колючими злыми песчинками, но отчаявшаяся просительница не опустила головы, а, наоборот, подняла взгляд выше, подставляя нежную кожу гневающейся стихии.

– Я готова платить! – выкрикнула она, стараясь преодолеть поднимающийся шум. – Я не прошу для моей дочери силу, прошу лишь об одном – оставь её в живых! Если для этого нужно забрать дар у меня, бери! Но не губи моего ребенка!

Вокруг алтаря, на котором лежало беспомощное тельце, набирал силу беснующийся смерч. Он свирепо рвал одежды стоящей на коленях женщины, злобно кидал на стены храмовую утварь. Казалось, сама статуя шаталась под его напором. Тихо было только в самом эпицентре вихря. Хотя нет, оттуда слышался жалобный плач. Словно обрадовавшись новому звуку, в нишах захохотали духи ветра – каждый на свой лад, что вносило ещё большую сумятицу и ужас.

– Плати, плати, плати! – провыл ветер, и смерч превратился в ураган.

Королева поднялась с колен. Обрадовавшийся ветер тут же сорвал с неё остатки одежды и принялся пригибать к земле и ожесточённо трепать волосы.

– Я заплачу, назначь цену, и я заплачу, – упорно повторяла женщина, едва шевеля губами, ибо ветер стремился ворваться и в рот. – Нет такой цены, которую мать не отдала бы за ребёнка, – она склонила голову и пошла к алтарю, где захлёбывался криком младенец. – Я сделаю всё, чтобы моя дочь жила.

Первый раз в жизни родная стихия была неподвластна королеве. И она приняла правила игры. Шаг. Ещё шаг, и под гадкий хохот несчастную мать опять откинуло к холодной каменной статуе. Пришлось начинать всё сначала.

– Ты имеешь право злиться, в твой храм принесли чужую! Но и я имею право бороться за своего ребёнка! – и королева вновь устремила к алтарю.

Много раз её швыряло на пол и било о каменные стены храма, однако Нитасия поднималась на ноги и упорно шла на надрывный плач своего ребёнка. От бьющего в лицо колючего ветра она почти ослепла, но упорно продолжала двигаться на звук. И вдруг крик прекратился. Малышка устала? Заснула? Или?.. Королева пыталась осмотреться, вот только слёзы заволакивали взор. Она подняла взгляд. Сверху за ней наблюдали два холодных огня – глаза статуи бога Тариоха были сделаны из голубых алмазов. Так они и смотрели друг на друга – могущественное божество и слабая хрупкая женщина. Не королева. Просто

мать.

Драгоценные камни сверкнули в последний раз, и неистовый порыв ветра швырнул непокорную прямо на алтарный камень, разбив ей лицо. Голубой мрамор с жадным шипением впитал алые капли.

– Кровь! Тебе нужна моя кровь? Возьми!

Королева схватила лежащий на выступе алтаря ритуальный нож и полоснула им по левому запястью. Тяжёлые капли упали на холодный камень, а женщина стала водить рукой вокруг смолкнувшей малышки. Если бы жертвенная жидкость не впитывалась, то девочка уже давно лежала бы вся в крови. Но монолит шипел, словно требуя ещё и ещё. Силы убывали. Не нужно было оборачиваться на бога, чтобы почувствовать его тяжёлый взгляд. Мало? Возьми ещё! И Нитасия неловко провела обсидиановым лезвием по правому запястью. Ненасытный камень так же охотно принял и это подношение.

Несчастливая мать поняла, что совсем скоро она окончательно обессилеет и потеряет сознание, и тогда её девочка останется один на один с чужой стихией. Горячие слёзы падали вперемешку с рубиновыми каплями и жадно впитывались камнем. Что? Чего ещё ждёт от неё Тариох? Нитасия повернулась к божеству и подняла отяжелевшие веки. Ответом ей послужила многозначительная усмешка. И женщина решилась. Она сделала надрезы на руках девочки. Крик малышки был последним, что услышала теряющая сознание мать.

С первым утренним лучом двери в храм бога ветров Тариоха открылись, и в него молча вступила процессия жриц. Так же безмолвно женщины разошлись по кругу, замирая по одной около ниш, в которых находились изваяния духов ветра. И только старшая жрица проследовала прямо к алтарю. Она приблизилась к камню, на котором лежало детское тельце, простерла над ребёнком руку и на мгновение замерла. Только сейчас в храме раздался первый звук – весёлое детское агукание. И старшая жрица затянула гимн. Гимн приветствия. Его подхватывали помощницы. С каждым куплетом торжественное песнопение набирало силу. И опять в храме поднялся ветер. Он радостно кружил меж своих последовательниц, ласково щекотал новую адептку и тоже набирал мощь, ускоряясь и возносясь под верхние своды, в нишах которых зазвенели

серебряные колокольчики, возвещающие собравшемуся на площади народу, что бог ветров Тариох принял под своё крыло ещё одну повелительницу воздуха.

Озорной молодой ветер, которому стало тесно в закрытом помещении храма, распахнул настежь двери и вырвался наружу, осеняя благодатью Тариоха тех, кто пришёл приветствовать принцессу после первого этапа обретения ею стихии. Вместе с ветром на храмовую площадь вырвалась и песня жриц. Песня приветствия новой подруги. В тех случаях, когда младенец погибал, не выдержав этапа обретения стихии, из храма неслись совсем другие песнопения.

– Боги явили свою волю, ваше величество, – Роэнс низко склонился, первым поздравляя монарха с тем, что его дочь получила благословение бога воздуха. Но как бы быстро он ни совершил этот маневр, король успел заметить промелькнувшее в глазах магистра чувство вины.

Глава 1

– Ли, милая, тебе нужно как следует отдохнуть, иначе ты не сможешь выдержать этот приём, – королева Нитасия сама вышла в сад, чтобы позвать дочь в покои.

– Но, мамочка, я совсем не устала! – хрупкая девушка нехотя поднялась с качелей, подвешенных к ветке крепкого дерева.

– Дорогая, пожалуйста, не перечь. Сегодняшний вечер может быть очень длинным. Мы же не хотим, чтобы от усталости у тебя случился приступ.

– Да, мамочка. Конечно, мамочка, – принцесса Леонита послушно последовала за матерью, за ними чинно потянулись фрейлины, сопровождающие обеих.

Приступы. Эти загадочные магические приступы, когда внутри разгорался непонятный жар, хотелось всё жечь и крушить. Придворный лекарь ссылался на сложности девичьего взросления и разводил руками, а придворный маг глубокомысленно кивал, подтверждая его слова, и уверял: всё прекратится, как только её высочество выйдет замуж. Дальше он обычно смолкал и, ссылаясь на

неотложные дела, быстро уходил, словно боялся, что принцесса потребует рассказать о подробностях будущих семейных отношений.

Королева проводила дочь до её покоев, проследила, чтобы служанки помогли принцессе переодеться и уложили в постель.

– Отдохни, милая. Этот приём устраивается в честь твоего совершеннолетия, и тебе нужно будет принять все поздравления и оставаться на балу хотя бы до пятаку*. Я верю, что ты выдержишь и достойно встретишь своего будущего жениха.

– Мама, а какой он?

– Кто? – Нитасия сделала вид, что не поняла вопроса.

– Жених.

– Маркиз Биэн? Очень достойный молодой человек. Маг огня, как и папа. Маркиз будет тебе хорошим мужем.

– Мам, ну какой же он молодой? Таринна сказала, что ему чуть ли не тридцать лет! Он ненамного младше тебя, мама!

– Если ты всё знаешь про него сама, зачем спрашиваешь? – королева нахмурилась, с неудовольствием отмечая осведомлённость и болтливость фрейлин принцессы.

– Значит, это правда, – Леоните не удалось сдержать вздох.

– Дорогая, двадцать восемь лет для мужчины совсем не старость. У него, как и у тебя, всё впереди. И потом, вспомни, папа старше меня на семнадцать лет.

– Так это же папа!

– Девочка моя, было время, когда и я не была знакома с твоим папой. Мы с ним тоже были чужими. Но в браке пришла любовь.

– Как же не полюбить папу! Он у нас самый хороший, – вздохнула Леонита.

– У тебя будет время узнать маркиза лучше. Ведь на приёме состоится только ваше первое знакомство, даже не помолвка, – королева ласково, как когда-то в детстве, погладила дочь по голове.

– Мам, ты хочешь сказать, что если он мне не понравится, то помолвки и свадьбы не будет?

– Я уверена, он тебе обязательно понравится, – королева поправила одеяло и уже хотела выйти.

– Мама, мама, позволь ещё один вопрос. Всего один!

– Ну хорошо, только один. Спрашивай.

– Мама, а у него дракон есть? – Леонита даже приподнялась, так её волновала эта тема.

– Нет, дорогая, дракона у маркиза Биэна нет. Пока нет, – словно намекая на что-то, добавила королева.

– Но в его возрасте уже почти не остаётся шансов обрести дракона! А как же тогда?..

– Дорогая, мы договаривались только на один вопрос, давай побеседуем о даре и перспективах маркиза позже, сейчас не время. И вообще, о таких тонкостях лучше спрашивать магистра Роэнса, – Нитасия приложила губами ко лбу дочери и быстро покинула комнату.

– Он и так от меня уже прячется, – пожаловалась её высочество закрытой двери.

Леонита честно пыталась уснуть, однако тревожные мысли не давали ей покоя. Она с детства знала о неизбежности династического брака и своей ответственности перед Этталией и, послушная родительской воле, давно свыклась с этой мыслью. Конечно, оставалась надежда, что на престол сможет взойти не сын принцессы, а один из её младших братьев. Но монаршую чету

словно преследовал злой рок: двое сыновей родились задолго до срока и не дожили до представления их пламенному Дуарху, а последний – Горинг – хоть и прошёл первый этап обретения стихии, однако огонь принца был таким же слабым, как воздух Леониты. С шестилетнего возраста мальчик первым подходил к каждой новой кладке огненных драконов, но ни один птенец ещё не избрал его своим наездником, и это только подтверждало его бесперспективность как мага. Или же указывало на то, что единственный сын короля не жилец. Драконы не выбирают слабых.

Сама Леонита давно смирилась с тем, что её магия воздуха не очень сильна, и уже не ждала чуда. Она, конечно же, продолжала ходить к кладкам воздушных драконов, но ни один вылупившийся птенец даже не глянул в её сторону. И никто не знал, как ей хочется подняться в небо на своём драконе. Совсем как папа. К сожалению, принцессы рано перестают верить в чудеса.

Действительность же такова, что Леоните предстоит выйти замуж и родить здорового ребёнка, которому, возможно, суждено занять трон Этталии. А для того, чтобы это случилось, следует выполнять все предписания придворных лекарей и магов, правильно питаться, не переутомляться и не волноваться. Зря всё-таки она не попросила успокаивающий отвар – уснуть никак не получалось. Незаметно для себя Леонита принялась теревить кроваво-красный камушек на браслете левой руки и задаваться одним и тем же вопросом: откуда у неё могла взяться совсем не женская магия огня?

Принцесса много раз выслушивала объяснения придворного мага Роэнса о том, что вместе с внешностью ей передались от отца и лёгкие отголоски магии огня. Внемя мольбам королевы, бог ветра Тариох заблокировал этот мужской дар, сковав его браслетами-артефактами с чуждыми небесному покровителю магов воздуха красными камнями. Два совершенно одинаковых браслета – тоненьких серебряных полоски с единственным кроваво-красным камушком на каждой – появились на запястьях принцессы на четырнадцатый день жизни. Вернее, это была ночь. Ночь, которую новорожденная принцесса провела в храме бога Тариоха. С тех пор внешне недорогие украшения постоянно оставались на ручках девочки. Они увеличивались вместе с её ростом и совсем не доставляли неудобств. По утверждению придворного мага, эти браслеты и сдерживают огонь. Пока они целы и находятся на ней, магия огня, непонятно каким образом доставшаяся принцессе, безопасна. Не считать же опасными тревожащие видения, которые время от времени появляются у принцессы, когда она дотрагивается до магических браслетов или долго смотрит на открытый огонь. В этих видениях она владеет вовсе не воздухом, как мама, а огнём, как отец – его величество Дейриг Восьмой. И так же сильна, как он. Но это невозможно, потому

что огонь – мужская стихия. В королевском роду не может быть женщин, владеющих огнём. А жаль...

Впрочем, и родители, и придворный маг уверяли, что всё закончится, как только её высочество выйдет замуж. Огонь передастся мужу, а у неё останется только стихия воздуха.

Уснуть так и не удалось. От ненужных дум только разболелась голова. Леонита поднялась с постели и покорно позволила горничным надеть на неё пышное платье и соорудить приличествующую случаю причёску, после чего натянула с их помощью длинные белые перчатки, обязательные на балу и так удачно прикрывшие непритязательные браслетки с не подходящими к наряду красными камушками. Когда сборы были закончены, в комнаты вошла королева и, открыв принесённую шкатулку, извлекла из неё изящную старинную тиару, кольцо, серьги и парные браслеты из платины тончайшей вязи. Драгоценный металл служил ненавязчивым обрамлением великолепным голубым бриллиантам, которые считались камнями бога Тариоха.

Девушка вздохнула. Она не любила голубые бриллианты. Ну почему ей, магу воздуха, досталась внешность отца! непокорные светло-рыжие волосы, зелёные глаза и бледно-персиковая кожа, на которой каждую весну непременно выскакивали совсем не аристократические веснушки, отчего девушке приходилось тщательно прятаться от солнца. Оставалось только вздыхать, вспоминая, как шикарно смотрелся тот же набор на маминых волосах, отливающих голубизной, и молочно-белой коже. Как же маме повезло с внешностью, унаследованной от бабушки – жительницы северного королевства Бераскены!

А ведь в семейной сокровищнице столько великолепных украшений с рубинами и красной шпинелью! Даже гранат подошёл бы принцессе больше, чем эти льдистые голубые камни. Но сегодняшний приём устраивается в её честь, и она, единственная дочь этталийского монарха Леонита Илеста Миолина Энери должна быть неотразимой. И первой это признавала её величество, выбравшая для себя лишь небольшие серьги с обычными бриллиантами и скромный – по королевским меркам – кулон из того же комплекта.

Когда фамильное наследие было водружено на принцессу, фрейлины принялись дружно ахать и восхвалять её красоту. Впрочем, чего ещё можно от них ожидать! Мало того, что место в свите принцессы очень почётно, за это к тому же неплохо платят. В королевском дворце сложно найти искренних друзей.

- Дорогая, тебе сегодня нет равных! А теперь мне пора, папа уже ждёт, - королева ещё раз ободряюще провела рукой по щеке дочери и вышла.

Принцесса последний раз взглянула на своё отражение в зеркале. А что, пожалуй, не так уж всё и плохо. Пусть голубые бриллианты не очень хорошо гармонировали с бледно-розовой кожей и рыжими волосами, зато они выгодно оттеняли зелёные глаза, которые, и без того не маленькие, казались сейчас просто огромными. Или они распахнуты от предвкушения? На нежных щеках горел румянец. Губы, которые девушка в минуты волнения прикусывала по старой детской привычке, приобрели ещё более яркий оттенок. Нужно успокоиться. Негоже предстать перед будущим женихом, а впоследствии и мужем, в столь нервном состоянии. И чего ей, спрашивается, переживать? Глуп будет тот мужчина, который посмеет отказаться от принцессы крови. И пусть мама намекнула, что отказаться может сама Леонита, но старшая дочь короля Дейрига уже не ребёнок и прекрасно понимает: этот брак - дело почти решёное. Папа и его советники, в том числе и герцог Дигран, отец маркиза Биэна, много раз всё обсудили и взвесили. Этот союз укрепит восточные границы Этталии, и к тому же, высока вероятность, что именно сыну принцессы Леониты придётся наследовать корону.

- Пора! - и Леонита шагнула к двери.

За ней потянулись фрейлины - в порядке, предусмотренном строгим дворцовым этикетом. Справа и на полшага сзади - Таринна - старшая фрейлина принцессы, следом Кария и Палита, замыкали шествие четырнадцатилетняя Линда и девятилетняя Тиарта. Двум последним девочкам было позволено лишь проводить принцессу до большого тронного зала. В силу их малого возраста на приём в честь совершеннолетия её высочества младшие фрейлины попасть не могли. Тем не менее, каждая из них, подобно старшим подругам, была в бледно-голубом платье и с единственным украшением - тонкой платиновой цепочкой на шее. Драгоценных камней девушкам, окружающим дочь короля, сегодня не полагалось, что нисколько не умаляло гордости тех трёх, которым выпала почетная обязанность сопровождать госпожу до окончания торжества.

Леонита остановилась ровно за два шага до распахнутых дверей, ведущих в тронный зал. Смолкла музыка, и в наступившей тишине прозвучал голос распорядителя:

– Её высочество Леонита Илеста Миолина Энери, принцесса Этталийская!

И Леонита сделала шаг. Она шла по коридору между склонившимися в поклоне придворными и гостями, съехавшимися на празднование со всей Этталии и из соседних государств. До сих пор юная принцесса нечасто появлялась на людях и к таким сборищам не привыкла. Но ничего, можно было смотреть только на родителей, ждущих её в самом конце этого пути. Мама и папа приветливо улыбались. Люди вокруг стояли сплошной стеной, поэтому легко было представить, что они и есть стена, а в зале находится только виновница торжества и её родители. И если бы не широкая юбка и каблучки, можно было бы, как в детстве, подбежать к папе, а он подхватил бы дочь на руки и высоко подбросил. Представив, как это выглядело бы сейчас, принцесса улыбнулась, и волнение тотчас оставило её.

Только теперь Леонита позволила себе окинуть взглядом тех, кто стоял на возвышении рядом с тронами монаршей четы. Придворный маг Роэнс, статс-дама Элексинта, канцлер Дигран. Рядом с канцлером принцесса увидела высокого молодого мужчину в тёмно-бордовом, почти чёрном, камзоле, лацканы и обшлага которого были искусно отделаны мелкими рубинами. Ясно, маг огня. На это же указывали и его медно-рыжие волосы, убранные в сложную косу. Открытый высокий лоб, черные, что редкость для рыжих, брови и ресницы, тёмные глаза. Выдающиеся скулы и немного крупноватый нос с небольшой горбинкой – фамильные черты Дигранов, ведущих свой род от древних кочевников. Резко очерченные губы замерли в преддверии улыбки. Он смотрел только на неё, Леониту. И пусть сейчас к принцессе было приковано всеобщее внимание, именно от взгляда маркиза Биэна по телу пробежало приятное тепло. А он не так уж и плох. И уж точно не стар, как утверждала Таринна. Десять лет не такая уж большая разница.

Её высочество, как предписывалось этикетом, присела в отточенном реверансе.

– Иди сюда, дитя моё, – отец протянул руку, и Леонита поднялась на возвышение. – Господа, – продолжил король, обращаясь к стоящим рядом, – вы все знаете мою дочь, но здесь есть те, с кем ещё не знакома принцесса. Ли, позволь представить тебе маркиза Биэна, сына герцога Диграна.

Маркиз сделал шаг и почтительно принял протянутую для поцелуя девичью руку. Как же тонка ткань перчатки! Губы жгут, будто касаются обнажённой кожи! Или так действует его магия огня? Того огня, от которого принцессу оберегали с самого детства. В её покоях не было каминов, только печи, выходящие топками в другие комнаты. Никаких свечей, только магические светильники. Всё потому, что даже вид открытого огня мог спровоцировать очередной приступ. Впрочем, не нужно сейчас вспоминать о грустном.

После того, как её высочество поздравили первые лица государства, к тронному возвышению стали подходить иностранные послы и гости. Они дарили однообразные подарки и произносили витиеватые речи, стараясь даже в восхвалениях виновницы торжества и пожеланиях здоровья и благоденствия высказать королю свои завуалированные просьбы и притязания. Пару раз откровенно намекнули на возможный брачный союз, и тогда Леонита замечала, как напрягается спина маркиза Биэна, стоящего парюю ступеней ниже.

Чередой скучных гостей длилась и длилась. Как же права была матушка, когда посоветовала надеть удобные туфельки без каблуков. И присесть невозможно – по этикету положено выслушивать подобную пафосную чушь только стоя. Жаль, что нельзя сослаться на усталость и уйти. Впрочем, даже самое плохое когда-нибудь заканчивается. Закончилась и торжественная часть приёма. А теперь – бал!

Заиграла музыка, и король пригласил свою королеву на первый танец. Следующими вышли Леонита и маркиз. С первых же шагов зелёные глаза оказались в плену у тёмно-карих.

– Как я счастлив, что их величества выпустили сей дивный цветок из своего сада! – восхищённо произнёс Биэн, ведя свою спутницу в танце. – Меня пугает одна только мысль, что мы могли не встретиться.

– Ну что вы, ваша светлость, рано или поздно мы обязательно встретились бы, – нужно было скромно опустить взгляд, как учила преподавательница этикета графиня Риалла, но эти глаза не отпускали.

– Было бы ещё хуже, если бы мы встретились слишком поздно, ваше высочество! – пылко проговорил партнёр.

– Мама часто повторяет, что невозможно избежать неизбежного, ваша светлость, – Леонита вспомнила, с какой грустью мама всегда говорила это.

– Тенигард. Ваше высочество, моё имя – Тенигард. Мне было бы приятно услышать его из ваших уст, – с лёгкой хрипотцой произнёс маркиз, отчего по руке, которой он в этот момент коснулся, побежали тёплые мурашки.

– Тенигард. Тогда и я должна вам позволить называть меня по имени, – Леонита взмахнула ресницами и услышала восхищённый вздох партнёра.

– Позвольте мне самому выбрать одно из ваших имён! Вы не сочтёте это за излишнюю вольность?

Обращение к принцессе крови по имени уже было недопустимой вольностью. А уж то, что собрался сделать маркиз Биэн, было больше чем вольностью. Такое позволялось только очень близким людям. Впрочем, Леонита и раньше не собиралась отказываться от помолвки. Теперь же сомнения улетучились. Кажется, их брак мог стать не просто важным для укрепления королевской династии Этталии, а на самом деле обоюдно счастливым.

– Выбирайте, но пусть это пока будет нашим первым маленьким секретом, – прошептала она, мило краснея.

– Я счастлив, что у нас появляются совместные секреты, Миолина. Миоли, – словно смакуя, произнёс Тенигард под последние замирающие аккорды.

Как нежно прозвучало «Миоли» в его устах! На щеках принцессы вновь вспыхнул румянец смущения. Впервые за долгое время Леонита не расстроилась из-за такой особенности своей кожи. Пусть Тенигард поймёт, что ей приятно его внимание.

Следующий танец принцесса танцевала с отцом. Помолвка ещё не была объявлена, и несколько танцев подряд с одним кавалером, не связанным с дамой родственными или брачными узами, считались неприличными.

– Как тебе маркиз, дочка? – король всегда был излишне прямолинеен.

– Ваше величество, я ваша покорная дочь, – девушка склонилась в фигуре танца, безуспешно пытаясь скрыть предательский румянец.

– Да? Смотри, а то только скажи, и мы будем искать другого жениха, – Дейриг хитро улыбнулся.

– Нет! – быстрее, чем нужно, ответила Леонита. – Я согласна с вашим выбором, отец!

– Согласна или довольна? – попытался внести окончательную ясность король.

– Маркиз Биэн мне приятен, – немного смущаясь, уточнила принцесса.

– Вот и замечательно! Ты, как я успел заметить, тоже произвела впечатление на сына герцога Диграна.

– Правда? – от этих ли слов или же от быстрого танца сердечко забилося с удвоенной силой.

– Даже не сомневайся! Мы с мамой следили за вами, – и король довольно улыбнулся. – Ну что? Позволяем старому лису Диграну вытащить из герцогской сокровищницы фамильные помолвочные кольца?

– Я ваша послушная дочь, папенька.

– Ты моя единственная дочь. И я хочу, чтобы ты была счастлива, Ли, – Дейриг взял дочь за пальчики и, медленно поворачиваясь, позволил сделать круг.

Следующий танец Леонита танцевала с отцом маркиза. Герцог Дигран был грузен и прихрамывал на правую ногу, но, стоит признать, несмотря на это, очень неплохо вёл свою партнёршу. Он и сейчас был видным мужчиной, а в молодости, похоже, легко завоёвывал женские сердца.

Как же хорошо, что Тенигард сегодня смотрит только на неё! С большим трудом удалось убедить молодого мужчину, что он должен пригласить ещё кого-нибудь. В конце концов маркиз сдался и под строгим взглядом будущей невесты пригласил её старшую фрейлину Таринну.

– Ну вот, видите, танцевать с другими девушками совсем не страшно, – уверяла его Леонита после танца.

– Не страшно, но скучно, – ответил маркиз. – Для меня в этом зале существуете только вы одна, Миоли. Я уже начал отсчёт.

– Какой отсчёт? – она вскинула заинтересованный взгляд.

– Дней, оставшихся до нашей свадьбы, моя любовь!

Он сказал: «Моя любовь!». Неужели это признание? А что же ещё? Захотелось раскинуть руки и кружиться, как в детстве. Жаль, что глупые правила приличия этого не позволяли. И вообще, пожалеть стоило о многом. Жаль, что нельзя было протанцевать весь вечер с Тенигардом, жаль, что нужно ждать целый месяц до помолвки, а потом ещё полгода до свадьбы. Немного жаль, что у маркиза пока нет дракона, а то можно было бы попросить прокатить и её, как это иногда делал папа. Но всё может быть. Ведь, по словам магистра Роэнса, велика вероятность того, что после заключения брака приступы прекратятся, а лишняя стихия – заблокированный самим богом Тариохом огонь – перейдёт к мужу, а от него и к их сыну. Ещё и поэтому избранник принцессы непременно должен быть магом огненной стихии.

Это был самый великолепный бал в жизни принцессы Леониты. Пусть балы, на которых она побывала, можно пересчитать по пальцам одной руки. Пусть она протанцевала с маркизом Биэном всего три танца. Зато какие это были танцы! Удивительно, но ему удалось даже скучный и чопорный питау превратить в танец страсти. Мало того, что глаза Тенигарда смотрели только в её глаза, он ещё позволял себе шептать такие слова, от которых сладко замирало в груди.

– Тенигард, – пыталась увещевать его принцесса, – вы не должны говорить такие вольности!

– Прошу прощения, дорогая Миоли, это говорю не я, это говорит моё сердце. Ах, если бы вы знали, сколько ещё нежных слов теснится у меня в душе!

– Сколько? – по правилам этикета положено было бросить осуждающий взгляд и промолчать, но тогда она не узнала бы столько волнующих подробностей.

– Мою грудь разрывают тысячи слов! И... – Тенигард, вопреки фигуре танца склонился к самому девичьему ушку и горячо прошептал: – ...более того, меня смущают тысячи желаний!

– Маркиз, как вы можете! – казалось, весь зал услышал его бесстыдные слова.

– Великодушно прошу простить мне эту вольность, – покаялся будущий жених, – но я совсем потерял разум. Ждать целый месяц, чтобы получить право прикоснуться к вашим губам, а потом ещё Нихот знает сколько, чтобы...

– Тенигард! Вы забываетесь!

– Да, в вашем присутствии, моя принцесса, я забываю обо всём! Я чувствую себя драконом во время гона!

Леонита тяжело вздохнула. Ну сколько можно напоминать Тенигарду о соблюдении правил приличий? Маркиз похож на одержимого – любой самый невинный разговор сводит к одному. Свадьба. А потом... Хотя то, что он говорит, приятно будоражит. И, в конце концов, очень интересно, что же он хочет сделать с нею после того, как за ними закроется дверь супружеской спальни?

На следующее утро горничная внесла в гостиную принцессы букет из белых роз. На прикрепленной карточке было написано всего одно слово: «Тридцать».

– Маркиз считает цветы, которые подарил вам, ваше высочество? – старшая фрейлина удивлённо приподняла брови.

– Маркиз считает дни, оставшиеся до помолвки, – улыбнулась в ответ Леонита.

В последующие дни принцесса и её фрейлины даже с каким-то азартом ожидали непрямого букета. С каждым днём в нём становилось на одну розу меньше. И пусть сопровождающая записка всегда сообщала, сколько в букете роз, но Леоните доставляло удовольствие их пересчитывать. К тому же, не иначе как букеты были зачарованы, ведь нежные цветы не думали увядать, и горничные исправно проветривали комнаты, чтобы хотя бы немного ослабить витавший в

них аромат.

– «Три», – прочитала Таринна записку, вытащенную из букета.

Леонита и её фрейлины прекрасно знали, сколько дней осталось до помолвки, но всё равно каждое утро дружно считали принесённые цветы – это стало уже настоящим ритуалом. Три дня. Осталось всего три дня до того момента, когда Тенигард наденет на палец своей невесте помолвочное кольцо и подарит первый поцелуй. После этого они будут иметь возможность видеться почти ежедневно и, о счастье, целоваться при встрече и расставании. При мысли о том, что будет после свадьбы, сердце сладко замирало, а потом пускалось вскачь, словно взбесившаяся упряжка.

Три дня. Всего три дня! К помолвке уже всё было готово. Воздушное белое платье стыдливо пряталось в самом дальнем углу гардероба. Специально к нему были сшиты три пары атласных туфелек – на высоком каблучке, без каблучка и одни запасные, «чтобы были». Королева Нитасия сообщила, что на этот раз дочь наденет комплект с бриллиантами чистой воды. Мама даже показала его и намекнула, что на свадьбу жених готовит подарок – парюру из розовых бриллиантов. Но что могут значить холодные камни, когда в день свадьбы Леонита и Тенигард обретут друг друга.

Завтра она получит всего две белых розы. И уже через два дня... Каким же он будет, их первый поцелуй? Леониту всё больше волновал этот вопрос. Можно было спросить у Таринны. Она так загадочно улыбалась, когда разговор касался подобных волнующих тем, что можно было не сомневаться: старшая фрейлина знает толк в поцелуях. Но как об этом спросишь в присутствии Линды и Тиарты? Девчонки ещё совсем молоденькие, им рано слушать подобные разговоры. А узнать так хочется. Мало того, что дурманящий запах роз мешал заснуть, к нему присоединялись и тревожные мысли о том, что же будет после помолвки и... после свадьбы.

И Леонита не выдержала. Она должна узнать, каково это – целоваться с мужчиной. Ей нужно будет делать что-то особенное? А ну как опозорится? Нет, заснуть совершенно невозможно! Принцесса велела горничной проветрить спальню, а сама отправилась к Таринне. Должно быть, её старшая фрейлина

давно спит, но ради такого важного вопроса сон придётся отложить. Пусть она расскажет, как нужно целоваться. А может даже признается, с кем приобрела этот ценный опыт.

Комнаты Таринны были совсем рядом. Фрейлины свиты обитали здесь же, в крыле принцессы. Леонита даже не подумала постучать. Стучать в дверь собственной фрейлины – всё равно что в свою, ведь фрейлина всегда должна быть к услугам её высочества.

Небольшая гостиная-будуар... Пусто, но глубокой ночью этого следовало ожидать. Леонита тихо открыла дверь в спальню своей фрейлины и доверенной подруги. Странные звуки заставили принцессу остановиться на пороге. Она пригляделась.

Здесь имелся пусть и небольшой, но настоящий камин. Огонь, горящий в нём, был сейчас единственным источником света, и в дальних углах комнаты метались тревожные тени. Но не тени привлекли внимание поздней гостьи. Она не отрываясь смотрела на два абсолютно голых тела, рычащие и сплетающиеся на огромной шкуре, брошенной перед этим самым камином. Неужели кто-то напал на Таринну? Сколь слабым ни был свет, он позволял разглядеть, что одно из тел – мужское. Мужчина нависал над стоящей на коленях девушкой и странным образом издевался над ней – бил и бил по попе своими бедрами. Иногда он запуская руку ей под живот, и тогда крики, издаваемые бедняжкой, становились совсем уж невыносимыми.

Нужно было что-то делать. Звать на помощь горничных или стражу, иначе этот неизвестно откуда взявшийся бандит убьёт Таринну. Но горло сжал жуткий спазм. Не получалось даже вдохнуть, не то что вымолвить хотя бы слово. И Леонита продолжала смотреть. Это было отвратительно и мерзко. Сковавший её ужас холодом бежал по позвоночнику и отдавался в животе, скручиваясь в тугий узел, пульсирующий в такт гадким шлепкам тела о тело. В том же ритме вдруг начал вспыхивать и огонь в камине, на фоне которого дёргалась пара. Мужчина ухватил Таринну за бёдра, ещё несколько раз ударился о её попу, после чего зарычал особенно страшно и упал, придавив собой податливое женское тело.

Понимание приходило постепенно. На фрейлину никто не нападал. С ней совершали нечто постыдное, совсем не предназначенное для чужих глаз.

– Таринна?

Головы молодых людей одновременно обернулись к двери, в которой стояла Леонита.

Может быть такое, что разум отказывается верить глазам? Старшая фрейлина принцессы не только допустила до своего тела мужчину, что было само по себе безнравственно. Она это сделала совсем рядом с покоем своей госпожи и подруги – теперь уже бывшей. Но ужаснее всего было узнать в обнажённом мужчине того, кто клялся в вечной любви Леоните. Того, кто с таким нетерпением ждал помолвки. В спальне Таринны находился маркиз Биэн.

Само время стало строптивым и вязким. Возможно, оно попросту покинуло эту комнату. Никто не пытался прервать тишину, возникшую после слов Леониты. И только огонь в камине всё яростнее отсчитывал удары сердца незваной гостьи. Бух-бух, бух-бух... Удары становились чаще и мощнее. Покорные им, вскидывались и оранжевые языки пламени. И вот уже огонь заполнил весь зев небольшого камина.

– Миоли, успокойся! – в словах маркиза проскользнули приказные нотки. – Иначе ты спалишь здесь всё к Нихоту! Огонь уже не вмещается в камине.

Миоли? Этот мерзавец посмел назвать её Миоли? И единственное, что его сейчас волнует, это огонь в камине?!

– Дорогая, выйди, я присоединюсь к тебе через несколько минут и всё объясню, – изменник поднялся и протянул к ней руки.

Похоже, мужчина забыл, что он совсем голый, и Леонита с ужасом смотрела на мерзость, болтающуюся у него ниже живота. Фу, какая гадость! И этим жирным червём он... как же всё гадко, гадко, гадко! Как будто здесь что-то можно объяснить. Неужели маркиз всё ещё надеется на помолвку и свадьбу?

Огонь не удержался в тесноте выделенного ему места и выбросил в комнату пробный язык. Кажется, завизжала Таринна. Кажется, загорелась шкура, на

которой эти двое предавались греху. Пламя неправдоподобно быстро охватило комнату, ловко, словно повинаясь желанию разгневанной принцессы, отрезав любовников от спасительного выхода. А Леонита замерла у двери и зачарованно наблюдала за волшебным танцем разыгравшейся стихии.

Самый краешек сознания фиксировал крики, раздавшиеся сначала снаружи, а потом и внутри здания. Принцесса отстранённо отметила, как из огня выбежал мужчина, держащий на руках безвольное женское тело, промчался мимо неё и скрылся за дверью. Впрочем, он тут же вернулся, чтобы выдернуть из горячей комнаты и Леониту. Маркиз коснулся её руки, и тело девушки словно прошло холодом. И она вспыхнула. Вспыхнула в буквальном смысле. Горели волосы, горел халат, впопыхах наброшенный на сорочку, горело всё!

Стражники, уже бежавшие к пылающей комнате с вёдрами, принялись поливать водой принцессу. Однако огонь даже не шипел. Он словно не замечал усилий окружающих и бесновался над своей хозяйкой устрашающим факелом. Неизвестно, что случилось бы дальше, но в охваченной пламенем комнате появился его величество. Он смело шагнул к дочери и обхватил её обеими руками.

– Ли, моя Ли! Я с тобой. Всё хорошо. Всё позади. Посмотри, это я, твой папа.

– Папа? – постепенно взгляд принцессы стал приобретать осмысленность.

– Да, моя маленькая, это я. Убирай огонь, иначе могут пострадать люди.

– Огонь? Какой огонь?

– Тот, что полыхает вокруг нас. Это твой огонь, и только ты в силах его погасить, – король ласково и медленно, словно и не было вокруг них разверзшегося ада, гладил ладонью пылающие волосы дочери. – Всё хорошо, твой папа с тобой. Я не дам тебя в обиду.

– А мама?

– Мама ждёт за дверью. Её ветер здесь ни к чему. Ну так что? Успокаиваемся и идём к маме?

И огонь начал стихать. По щеке покати́лась первая слезинка. Король сорвал с ближайшего окна штору, завернул в неё дочь, ибо её одежда почти полностью сгорела, затем подхватил Леониту на руки и вышел из пылающих комнат, давая возможность замковым службам приступить к тушению пожара.

- питау* - чинный парный танец;

Глава 2

Когда-то давно, а может, и не совсем давно высшей властью любого государства являлся монарх – король, князь или император. Как правило, он сам был сильным магом, но это не означало, что он был единственным. Магия никогда не была привилегией лишь аристократов. Одарённый ребёнок мог родиться в любом доме – и в королевском дворце, и в рыбацкой хижине. Аристократам принадлежала власть, жрецы помогали общению смертных с богами, а маги служили короне: управляли погодой, помогали земле цвести и плодоносить, защищали людей от злобных тварей, рвущихся из-за границ мёртвых земель.

Может, в каких-нибудь засекреченных хрониках и сохранились подробные описания того, что случилось в империи Редас почти двести лет назад, но в книгах, стоящих на полках общедоступных библиотек, о тех событиях рассказывается очень скупо. Никто не хотел ворошить пепел прошлого. Но совсем скрыть произошедшее было невозможно. Что было, то было. Коннор Шестой – последний император той самой империи, расположенной за горами Предела – повздорил со своим придворным магом. Не просто повздорил, а велел этого мага казнить. И маги, не все, конечно, а те, кто не был привязан землями и прочими благами, ушли. Ушли вместе со своими семьями. Насовсем.

То, что испортилась погода и снизился урожай, было не самым страшным. Самым страшным оказалось то, что некому стало стоять на страже империи. И её начали одолевать монстры, Простые воины не могли на равных противостоять бесчисленным злобным порождениям мёртвых земель, а император и наделённые магией аристократы, не покинувшие своих владений, не справлялись с накрывшей страну напастью. Люди сдавали один рубеж за другим. Что стало с самим Коннором Шестым, его семьёй и теми немногими, кому удалось скрыться в королевском замке – последнем оплоте людей на

захваченных тварями землях, до сих пор неизвестно.

Именно в те времена в Иргетте, после случившейся в Редасе трагедии, и был создан неподконтрольный ни одной светской власти Магический Совет. У Совета не было собственных земель. Но ему подчинялись все маги. Они по-прежнему несли свою службу и старались не вмешиваться в дела ни простых людей, ни королей до тех пор, пока это не касалось магических деяний.

То, что совершил король Дейриг, пытаясь изничтожить дар ребёнка, осенённого благодатью самого огненного Дуарха, представители Магического Совета сочли прямым неподчинением божественным помыслам.

Заседание Магического Совета по поводу случившегося инцидента проходило в закрытом режиме. Решать судьбу дочери короля собрались самые высокопоставленные члены магической иерархии. Их было девять: по одному высшему жрецу и одному верховному магу каждой из четырёх стихий. Председательствовал на заседании сам архимагистр Лутарх, один из немногих магов, кому подчинялись все четыре стихии. В качестве приглашённых присутствовали король Этталии Дейриг, его жена Нитасия и придворный маг королевства – магистр Роэнс.

– Ваше величество, – обратился к Дейригу архимагистр, – как могло получиться, что дар огня у вашей дочери на долгое время оказался заблокированным?

Король величественно поднялся, открыто глянул на членов высокого судилища, а это был именно суд, и начал свою речь:

– Ещё до рождения моего старшего ребёнка было установлено, что младенец будет владеть магией огня. И этот дар будет очень силён. Каково же было наше удивление, когда родилась девочка. Закон Этталии на этот счёт не допускает иных толкований: представительнице монаршей крови владеть даром огня невозможно. Удел королевской дочери – выйти замуж за достойного человека и быть ему примерной женой. И тогда я усомнился в воле богов и приказал представить новорожденную принцессу не огненному Дуарху, а повелителю ветра и воздуха, – король на мгновение замолчал, словно его душила давняя вина, затем глубоко вздохнул и продолжил: – Я надеялся, что высшие силы сами

решат её судьбу. И Тариох принял малышку в ряды своих последователей. С той ночи на руках моей дочери появились два браслета, в которые, вероятно, и была заключена её сила огня...

– Жрица храма Тариоха Лиссэта! – опять загремел голос архимагистра. – Что вы можете рассказать?

В зал, где проходило заседание, вошла женщина в летящих одеждах жрицы воздуха. Она оглядела высокое собрание, на миг задержала взгляд на королеве и уже набрала в грудь воздуха, чтобы начать речь, но Нитасия её остановила.

– Дальше я расскажу сама, – начала она, поднимаясь с места, на котором сидела. – Жрица Лиссэта не знает, что происходило в храме Тариоха после того, как она оставила мою дочь на алтаре.

На говорившей скрестились все взгляды: холодные и тяжёлые – архимагистра и членов высокого магического суда, изумлённый – короля и виноватый – магистр Роэнса.

– Я заранее проникла в храм, – продолжила несчастная мать. – Я знала, что стихия моей дочери – огонь, а поэтому решила умолять моего бога сохранить ей жизнь. Малышка не виновата, что её избрал Дуарх...

– Что было потом? – прервал затянувшееся молчание Лутарх.

– Тариох принял жертву и заключил огонь моей дочери в камни, образовавшиеся из её крови. К счастью, в девочке были капли моей стихии, что позволило ей принять покровительство бога воздуха, – королева замолчала. Что ещё можно было добавить? Прежде всего она мать, которая, как могла, боролась за жизнь своего ребёнка.

– На что вы надеялись? Неужели рассчитывали, что такой сильный дар навсегда удастся сдержать магией крови?

– Мне стало известно заклинание, используя которое нестабильный дар можно передать магу той же стихии, – призналась её величество. Все заметили, как сжался при этих словах магистр Роэнс. – Уже был выбран и подходящий

восприемник дара. После замужества у принцессы осталась бы только стихия воздуха. Свадьба должна была состояться совсем скоро, – затихающие слова королевы как будто продолжали витать в зале.

– Вот почему вы ограждали принцессу от всего? Не слабое здоровье, а нестабильная магия были тому причиной?

Вопрос не требовал ответа. И так всё стало ясным. Принцесса Леонита испытала сильнейшее потрясение, и её дар огня вырвался из-под контроля. В результате необратимо пострадала одна из фрейлин. Девушка выжила, но это скорее было для неё несчастьем, нежели удачей. Огонь полностью обезобразил её тело.

– Во всём виновата только я! – воскликнула королева. – И наказание должна нести только я.

Архимагистр Лутарх прокашлялся.

– Ваше величество, – предупреждая начал он, – мы собрались не для того, чтобы выносить наказание за какую-то... девицу. Хотя налицо имеется пострадавшая Таринна Рониц, дочь графа Роница, жалобы от которого, – маг похлопал ладонью по внушительной стопке бумаг, лежащих перед ним, – поступили ко мне и во все соответствующие органы.

Король Дейриг встрепенулся, словно желая что-то добавить.

– Но, – архимагистр хмуро осмотрел собравшихся, – при расследовании этого... хм... случая выяснилось следующее. Наказание девица получила вроде бы заслуженно. Другое дело, что избыточное. И с нашей стороны графу Роницу поступило предложение: в случае разбирательства широкой общественности станут известны обстоятельства, при которых его дочь приобрела ожоги. Граф снял свои обвинения, – буднично закончил он.

– И... что теперь? – королева с надеждой посмотрела на председательствующего.

– Боги сохранили жизнь вашей дочери, – осторожно начал архимагистр, – и не нам оспаривать их решение. Но сейчас, когда заблокированная ранее стихия

огня активизирована, а время представления Дуарху упущено, магия принцессы Леониты стала опасной для окружающих. Чтобы решить, как поступить дальше, мы должны посоветоваться, – и Лутарх одним взмахом руки отделил прозрачной силовой стеной членов суда от королевской четы, придворного мага и жрицы Лиссэты. Полог, установленный последователем всех четырёх стихийных богов, как и все его заклинания, был непреодолим для тех, кто владел меньшим количеством стихий.

Через магическую завесу не проникало ни звука. Оставшимся по эту сторону было лишь видно, что дебаты за незримой стеной происходят жаркие. Архимагистру даже пришлось рассадить представителей огня и воздуха подальше друг от друга – так сказать, во избежание.

У короля были вопросы и к королеве, и к повинно склонившему голову магистру Роэнсу, но Дейриг молчал. Для выяснения отношений было не время и не место. В чём можно обвинить мать, бросившуюся на защиту своего ребёнка? Их ребёнка. Которому придётся ответить за ошибки родителей. У матери есть оправдание. А у отца? Именно после его опрометчивого решения, о котором он уже тысячу раз пожалел, королева поступила так, как поступила. И вся любовь, которой он окружил дочь после того, как главная жрица бога Тариоха передала ему малышку в то злополучное утро, не перекрывала его вины. Есть такие деяния, исправить которые очень сложно. А порою и невозможно. Всё время, пока члены высокого судилища держали совет, по другую сторону полога висело молчание. Наконец, лёгкий звон лопнувшей магической завесы возвестил о том, что представители стихий пришли к общему решению. После тишины, уже осязаемо давящей на уши, слова архимагистра Лутарха прозвучали как звук тревожного городского гонга:

– Велите привести вашу дочь.

– Вины Леониты в случившемся нет! Это последствия моих действий! – королева бросилась к сидящим на возвышении судьям.

– Ваше величество! – голос архимагистра был строг. – Мы позволим вам присутствовать при вынесении решения, только если вы обещаете держать себя в руках. Насколько я знаю, принцесса уже совершеннолетняя и не нуждается в

опекунском представительстве.

Королева заметно сникла, а король подошёл к двери и отдал распоряжение стоящим за ней гвардейцам. До прихода принцессы в зале опять воцарилась тишина. Замерли каменными изваяниями судьи, понуро опустил голову магистр Роэнс.

Полной противоположностью ему смотрелся король Дейриг. Его величество упрямо поднял подбородок и переводил тяжёлый взгляд с одного судьи на другого. Спокойно выдерживал этот взгляд только архимагистр Лутарх. Им, членам всемогущего Магического Совета, сильнейшим из магов – магистрам и архимагистрам – глупо было бояться обычного, ну ладно, пусть не совсем обычного, а очень сильного мага. Но что-то было в его глазах...

А вот тоскливый взгляд королевы не выдержал даже архимагистр Лутарх. К большому его облегчению, двери в зал судилища раскрылись, и появилась принцесса Леонита. Девушка настороженно оглядела всех присутствующих, лишь на мгновение её взгляд задержался на членах высокого суда, а потом она бросилась к родителям.

– Папа, мама, что происходит? Кто эти люди?

Как же хотелось королеве прижать дочь к груди и успокоить её, сказать, что всё хорошо! Но не она ли сама учила детей никогда не лгать? А сказать, что всё хорошо, означало бы солгать. Хорошо было далеко не всё. Судя по суровым лицам людей, сидящих на возвышении, хорошего вообще не предвиделось. И Нитасия лишь ободряюще сжала руку дочери.

– Назовите своё имя, дитя, – в голосе архимагистра, разорвавшем напряжённую тишину зала, совсем не было эмоций. Ни гнева, ни сочувствия, ни даже интереса. Обычная ничего не значащая формальность.

Мать и дочь переглянулись, и королева согласно прикрыла глаза.

– Моё имя Леонита Илеста Миолина Энери, старшая принцесса Этталийская! – чётко произнесла Леонита, слегка запнувшись на своём третьем имени.

– Вы знаете, зачем вас пригласили, Леонита Илеста Миолина Энери? – прозвучал тот же безэмоциональный голос.

– Я должна понести наказание за проступок, – стараясь казаться такой же холодной и надменной, как и те люди, что сидели на возвышении, произнесла девушка.

– За проступок, не за преступление? – был следующий вопрос.

– Называйте как хотите, мне всё равно.

– По вашей вине пострадала Таринна Рониц, дочь графа Роница.

– Не знаю такую, – Леонита не опустила голову и смело выдержала суровый взор архимагистра.

– Даже так? Следовательно, и виновной себя не считаете?

– Нет! – и опять дерзкий взгляд глаза в глаза.

Одобрительно хмыкнул король, в испуге прикрыла ладонью губы королева, а Леонита всё продолжала смотреть в жуткие омуты глаз главы магического Совета.

– А имя маркиза Биэна вам известно?

– Имя известно, – подтвердила допрашиваемая.

– Вот как? А сам маркиз?

– Не помню такого.

– Маркиз утверждает, что вы, принцесса Леонита, применили против него и вышеназванной Таринны Рониц стихийную магию огня.

– Не помню такого, – принцесса по-прежнему не опускала глаз.

– Вот как? Осмелюсь напомнить, вы едва не сожгли этих молодых людей во время неуправляемого всплеска огненной стихии. В то время как они, кхе-кхе, занимались друг другом.

– Да? – и опять ничего не выражающий взгляд. – Думаю, следует пойти им навстречу и связать два страдающих сердца узами священного брака. Ваше величество, – Леонита повернулась к королю, – вы не поспособствуете их скорейшему соединению?

– Я сам прослежу, чтобы их брак был заключён как можно скорее, дочка, – решительно пообещал король.

– Ну что ж, я выяснил всё, что хотел, – архимагистр, едва заметно улыбнувшись каким-то своим мыслям, прервал разговор. – У членов высокого суда будут вопросы?

– Какие ещё вопросы, – проскрипел архимагистр Литен, маг земли, – всё уже решено. Оглашайте вердикт, архимагистр!

– Волею богов дочери короля и королевы Этталийских Леоните Илесте Миолине Энери был ниспослан сильнейший дар огня. Но монаршая чета решила пренебречь этим благоволением богов. И то, что было дано ребёнку как дар, стало проклятием. В настоящий момент принцесса не в состоянии справиться со своим огнём. А посему Магический Совет постановил лишить принцессу Леониту Илесту Миолину Энери Этталийскую магической силы, – глава Совета произнёс это не как приговор, а словно сообщение-предупреждение.

Королева не смогла сдержаться и, всхлипнув, уткнулась в плечо мужа. Король, прижав голову жены к могучей груди, оглядел нехорошим взглядом всех девятерых, находящихся на возвышении. А Леонита, тихая, скромная и всегда послушная Леонита, в точности повторила взгляд отца и произнесла лишь одно слово:

– Попробуйте!

– Что?! – голос председателя суда впервые утратил бесстрастность.

– Стихии мне дали не вы, а боги. И не вам лишать меня дара богов!

Волосы принцессы выбились из причёски, по ним побежали опасные сполохи. С пальцев посыпались огненные капли, а глаза быстро меняли цвет от зелёного к чёрному, всё чаще сверкая красной искрой.

– Огонь и ветер!

– Опасная!

– Неуправляемая!

– Необученная!

– Нестабильная!

– Нестабильная!

Вместе с криками с судейского возвышения к взбунтовавшейся принцессе понеслись и заклятия. И Леонита не стала ждать. Дикая стихия огня, столь долго сдерживаемая божественными артефактами на запястьях, вновь вырвалась на свободу, подгоняемая ветром – второй стихией старшей королевской дочери. Оперативно заключил себя в защитный кокон придворный маг Роэнс, прикрыл не имеющую защиты от огня жену Дейриг, а члены Магического Совета с изумлением наблюдали, как совершенно необученная девчонка смело противостоит их общему напору.

– Хватит! – крик архимагистра Лутарха отрезвил разошедшихся магов, и между судьями и подсудимыми опять встала стена. На этот раз она не пропускала не только звук, но и магические посылы.

Подождав, пока страсти по обе стороны преграды улягутся, и щелчком пальцев убрал защиту, архимагистр объявил:

– Я, архимагистр Регон Лутарх, глава Магического Совета всех стихий, приостанавливаю решение Магического Совета и предоставляю возможность нестабильному магу овладеть своей стихией.

Королева радостно всхлипнула, а король и Леонита, понимающе переглянувшись, стали ожидать окончания речи архимагистра. И он продолжил:

– Вам предоставляется выбор: либо вы соглашаетесь с решением Магического Совета, либо... принцесса Леонита должна исчезнуть. Исчезнуть, чтобы возродиться совсем другим человеком. И сделать попытку исправить то, что ещё можно исправить.

После этих слов король Дейриг осторожно отодвинул от себя не скрывающую слёз жену, шагнул вперёд и, прикрыв собой Леониту, решительно заявил:

– Однажды я уже совершил ошибку. И, клянусь, не повторю её вновь. Я никогда не откажусь от дочери!

– Не откажетесь от дочери? – магистр небрежно повёл рукой, и замершего короля отнесло в сторону.

С руки говорящего сорвалось заклинание. Оно устремилось в сторону принцессы, и у девушки не нашлось ни сил, ни воли, чтобы противостоять ему. Леонита заворожённо смотрела, как к ней несётся... что? Смерть? Наказание? Избавление?

Она ещё услышала отчаянный крик матери, после чего заклинание – или проклятие? – сбило принцессу с ног, и мир исчез в яркой вспышке ужаса и боли.

– Мама?

– Я здесь, моя любовь. Я здесь.

– Мама, скажи, что это всё было неправдой!

В ответ не раздалось ни звука. Значит, все эти ужасные события, в которых она, тихая и слабая старшая принцесса Этталийская пыталась противостоять девяти жрецам и архимагистрам – членам всемогущего Магического Совета, правда? И

последние слова их верховного, и его заклинание – тоже правда? Что это значит? Её не лишили магии? Но что тогда означали те слова? «Принцесса Леонита должна исчезнуть»? Леонита с трудом открыла глаза.

Странные ощущения. Как будто по ней промчался табун тяжеловозов. А потом некоторые из них вернулись и несколько раз ударили свою жертву копытами по голове.

– Мама, почему ты плачешь? – Леонита медленно поднесла трясущуюся руку к лицу матери.

Странно. Кисть, выглядывающая из-под кружева сорочки, была всё такой же хрупкой, но какой-то неправильной. Исчезла приятная мягкость, стали заметнее сосуды и сухожилия. Рука замерла на полпути. Определённо, она была чужая. Принцесса отстранённо отметила отсутствие привычных браслетов. Сейчас на их месте были лишь давние побелевшие шрамы.

Королева продолжала молчать. Если, конечно, не считать учащающихся всхлипов.

– Мама, что... случилось? Что со мной случилось?! – почти крикнула Леонита, когда мать виновато отвела глаза от её лица.

Только сейчас принцесса осмотрелась. Чужая комната. Чужая постель. Что всё это значит? Но сначала – зеркало. Пришлось подниматься и, преодолевая слабость, добираться до зеркала, висящего в простенке между окнами. Оттуда смотрело вроде бы её и в то же время чужое лицо, обрамлённое чужими же, более яркими, почти медными волосами. Ничего, волосы – это не страшно. Так она ещё больше стала похожа на папу с его огненной шевелюрой. На папу? Леонита прижала руки к груди. Грудь! Пусть и не большая, как у некоторых придворных дам, но у неё была грудь! А сейчас? Она растерянно посмотрела на мать. Та так и не подняла виновато опущенную голову.

Что? Этого просто не может быть! И та, которая перестала именоваться принцессой Этталийской, медленно взялась за подол сорочки и, уже понимая, что может там увидеть, но всё ещё не веря, бросила осторожный взгляд. Да, Леонита перестала быть принцессой. Она и Леонитой быть перестала. На это явственно указывало то мерзкое и ужасное, что болталось между жилистых ног,

покрытых редкими рыжими волосками. Второй раз за сегодняшний день мир померк перед её глазами.

– Ли, ты не можешь всю жизнь провести взаперти! – в голосе короля слышалась усталость.

После того, как в комнате несколько раз воспламенился полог кровати и занавеси на окнах, все осознали, что находиться рядом с нестабильным магом может быть очень опасно. Опасно всем, кроме имеющих родственную магию огня. И отец, как когда-то это делала мама, проводил дни и ночи рядом со своей дочерью. Дочерью, которая перестала таковой быть.

Какая злая ирония. Восемнадцать лет спустя Дейриг получил то, что хотел. Его дочь, его малышку превратили в парня. Почему? Ну почему нельзя вернуть всё назад? В тот день и час, когда новорожденная кроха доверчиво ухватила отца за палец, а он произнёс те ужасные слова. Король уже давно понял, что готов принимать своего ребёнка любым. Мальчиком, девочкой. С магией или без. Это его дитя! И как же тяжело понимать, что Леонита наказана за его жестокое и эгоистичное желание обмануть судьбу и самих богов.

– Ли?

– Не называй меня так, – это были первые слова, сказанные ею почти за две недели затворничества. – Я... уже не девушка. Не Леонита.

– Хорошо. Сделаем так, как ты захочешь.

– Отныне у меня будет только одно имя – Энери Роува. Вы не будете возражать, если я возьму одну из родовых фамилий мамы? – после согласного кивка отца она продолжила: – И, папа, я хочу покинуть этот суетный мир.

– Что?! А как же мама? Ты подумала о ней? Она последует за тобой!

– В храмы огня нет дороги магам воздуха...

– Уфф, – облегчённо выдохнул его величество, – а я-то уже подумал...

– Нет, папа, я говорю не о смерти. Я желаю скрыться в отдалённом храме и там просить милости у огненного Дуарха.

– Но... Энери, видишь ли, – король замялся, – тебе в этом теле не позволят перейти границу женской обители...

– А в мужскую я не пойду сама. Или теперь следует говорить «сам»? – та, которая с этого момента носила только имя Энери, крепко сжала кулаки и зажмурила глаза. Неукротимый огонь опять рвался наружу.

– Э-ээ... Энери. Архимагистр Лутарх хочет поговорить с тобой.

– Он ещё не всё сказал?!

– Пожалуйста, выслушай его, – королю никогда не приходилось просить, но сейчас он просил.

– Кто знает... обо мне?

– Только те, кто был на тот момент в зале. Сама... – после болезненно-предостерегающего взгляда Дейриг поправился: – Сам знаешь, я, мама и Роэнс не пророним об этом ни слова. А у членов Совета свой кодекс чести.

– А слуги?

– Тебя никто не видел. Ты же... заметил, что в комнате убирают, только когда ты переходишь в другую. Не знает даже ваша няня Арентина, – каждый раз перед тем, как обозначить при разговоре половую принадлежность своего ребёнка, король делал маленькую заминку.

– Что же сказали всем? Куда исчезла принцесса Леонита?

– Для всех принцесса Леонита отбыла в отдалённый храм Дуарха, чтобы стабилизировать и покорить проснувшуюся магию огня.

– Какое простое решение, – на упрямо сжатых губах промелькнула усмешка. – Что же хочет сказать архимагистр Лутарх? Думаю, я приму его.

Слабая и послушная принцесса Леонита навсегда осталась в прошлом. На короля глянула та, что посмела перечить самому верховному.

Энери Роува – с сегодняшнего дня именно Энери и никак иначе – первый раз за свою жизнь самостоятельно оделся. Пришлось повозиться, разбираясь с завязками и застёжками штанов, рубашки и камзола. И всё же он отметил, что облачаться в мужской костюм гораздо легче, нежели в многочисленные женские юбки, сорочки, корсеты и прочие кружева и украшения. Он осмотрел себя в зеркало. Пышные волосы, мягкими волнами сбегающие до пояса, могли являться предметом зависти всех придворных дам.

– Дай кинжал! – юноша, не глядя на отца, протянул руку.

– Зачем?

– Я уже сказал, что не буду расставаться с жизнью. Дай кинжал!

Король вытащил из ножен кинжал и протянул его Энери. Тот намотал на кулак рассыпавшиеся по спине волосы и одним неловким взмахом отсек их под самый корень, даже слегка поцарапав при этом кожу. Пряди, оставшиеся по бокам и освобождённые от привычной тяжести, задорно распушились над ушами. И тот, кто совсем недавно был принцессой Леонитой, принялся с остервенением срезать их.

– Энери! Позволь я помогу тебе!

– Я сам! Сам! Сам! – с каждым произнесённым словом очередная отрезанная прядка падала на пол, сверкая в солнечных лучах злыми огненными искрами.

Через некоторое время Энери прошёл в гостиную, где его уже ожидал глава Магического Совета. Королю ненавязчиво намекнули, что в его присутствии не нуждаются. Маленькая принцесса, нуждающаяся в постоянной опеке нянек, фрейлин и родственников, исчезла.

– Добрый день, – гость отошёл от окна, у которого он ожидал.

– Не соглашусь, что день добрый, но я тоже приветствую вас, архимагистр Лутарх, – сухо поздоровался юноша. – Моё имя Энери Роува.

– Очень приятно, Энери, – мужчина даже слегка склонил голову, что было совершенно излишним перед обычным парнем. – Можете не отвечать! – он предостерегающе поднял руку. – Я понимаю, что вам неприятно меня видеть. Но выслушать всё равно придётся. Возможно, вы уже поняли, для чего я совершил с вами подобное. А если не поняли, поймёте позже... или не поймёте.

– Перестаньте ходить кругами. Говорите, зачем пришли!

Если эти слова и задели Регона Лутарха, то архимагистр не подал виду.

– Я явился к вам с предложением. Предложением выбора, – перешёл он к делу.

– Выбора чего? – прозвучал отрывистый вопрос.

Архимагистр заложил руки за спину, покачался с пятки на носок и продолжил:

– Ваша магия нестабильна. И при этом очень сильна. Вы несёте опасность для окружающих. Вы это понимаете?

Энери лишь зло сверкнул глазами в ответ.

– Понимаете... и не смирились. Энери, поймите, даже боги не всегда властны над обстоятельствами. Что уж говорить про нас, смертных. Да, я поступил так, как поступил, и, не скрою, у меня были свои мотивы, – архимагистр прошёлся из одного угла комнаты в другой, с некоторым удивлением отмечая про себя, что опасается оставлять за спиной этого угрюмого парня. – Вы, Энери, скорее всего, уже оценили свои перспективы. Возможно, даже обсудили их с родителями. Их,

этих перспектив, как я понимаю, у вас не так уж и много. Это либо уединённый замок, где вам придётся жить в изоляции, не считая малого количества слуг, с опаской ожидающих проявлений вашей стихии. Либо же это будет закрытый храм Дуарха, жрецы которого попытаются помочь вам овладеть стихией.

– Архимагистр, вы затеяли этот разговор только ради того, чтобы посочувствовать мне или же поглумиться? Говорите прямо, для чего вообще всё это, – Энери презрительно обмахнул ладонью своё новое тело.

– Вот теперь я узнаю того, кто посмел в одиночку противостоять Магическому Совету, – Реган Лутарх заинтересованно оглядел собеседника, а затем продолжил: – Хорошо. Я понял, без хождений вокруг да около результат будет достигнут гораздо быстрее. Уже перехожу к сути! – он поднял руку, останавливая очередную гневную тираду, готовую сорваться с уст собеседника. – Ваш огонь, Энери, очень силен. Боги вообще оказались к вам щедры. Надеюсь, со временем вы это поймёте. И не людям пытаться отбирать данное высшими силами. Если, конечно, божественный дар не используется во вред. Я не буду поступать сейчас некрасиво и рассказывать вам, как получилось, что ваш огонь оказался заблокирован, скажу лишь, что вы можете об этом узнать у короля и королевы. Я хочу предложить вам иной вариант дальнейшего существования. Почти на границе с Запредельными Землями стоит замок ордена стражей. Он не один, таких замков много, но замок Эрт особенный. Вернее, там живут особенные стражи. Некоторые из них отличаются от обычных магов: имеют редкий дар. Или даже несколько. Там они учатся владеть своей стихией, и там изучают их самих и их...

– И их отклонения, так? Предлагаете стать одной... одним из ваших подопытных?! Вот для чего всё это затеяно? Я для вас занятная зверушка?! Именно в интересах ваших экспериментов вы позволили себе так обойтись с моим телом?! Благодарю за уделённое время и столь щедрое предложение, архимагистр. Не смею вас задерживать!

– Невозможно избежать неизбежного, – глядя поверх головы собеседника, проговорил Лутарх.

Архимагистр так и не ответил на главный вопрос: зачем? Зачем нужно было менять тело? И что же это получается? У Энери теперь две стихии? А разве возможно овладеть огненной магией без благословения Дуарха?

– Ваши величества, – обратился Энери к родителям, когда они пришли к нему в комнату, – могу я попросить вас ответить на один вопрос? Только честно. От этого зависит моя дальнейшая жизнь.

Король и королева переглянулись. Им даже не нужно было слышать вопрос. Всё было ясно и так. Их дочь, которой они исковеркали судьбу, требовала ответа. И от их ответа зависела не только её жизнь, но и дальнейшие отношения. Простит ли она, когда узнает правду? Впрочем, если скрывать всё и дальше, дочь они потеряют наверняка. И Дейриг, и Нитасия отчётливо поняли – это их последний шанс. И если его не использовать, то можно считать, что их ребёнок умер для них. И они для него умерли.

И король начал рассказ. О том, что ожидал сына, наследника, о том, как растерялся, когда родилась девочка. О том, как, зная о её огненном даре, приказал представить её богу ветра и воздуха Тариоху. О том, что королева, рискуя собственной жизнью, вымолила у божества жизнь дочери, и сила огня исторглась из новорожденной малышки вместе с каплями крови, превратившись в два камня-браслета. Не стал он скрывать, что ей специально подбирали такого мужа, которому можно было бы передать запретную для принцессы огненную магию.

Леонита была прежде всего принцессой и с детства сознавала, что такое государственная необходимость. И она поняла отца. Поняла, простила и... исчезла навсегда.

Энери потрянул головой, несколько долгих мгновений смотрел в окно, словно испрашивая совета у деревьев, замерших под полуденным солнцем, перевёл взгляд на мать, потом на отца и, приняв окончательное решение, произнёс:

– Я поняла... понял, ваше величество. – Я вас понял. Вы меня обманывали. Вы меня всё время обманывали. Пусть и ради высоких целей. Но я вас не осуждаю. Вы – король. И действовали в интересах Этталии. Жаль, что мне это обошлось слишком дорого. И теперь нужно искать свой путь. Где и когда я могу увидаться с архимагистром Лутархом?

Глава 3

Как? Ну скажите, как у погоды получается улавливать настроение? Пусть лето давно перевалило за половину, но всё равно нудная холодная морось, что, словно издеваясь над путниками, уже третий день сыпалась с неба, больше походила на осеннюю непогодицу, нежели на летний дождь. Словно наслаждаясь и соревнуясь в ловкости со своими товарками, мелкие капли старались как можно глубже забраться под одежду и грустно опущенные поля шляпы, отчего настроение падало в еще более глубокую пропасть.

Молодой маг с немного странным именем Энери ехал в компании двух таких же бедолаг и пары магов, которым предстояло препроводить молодых людей на новое место жительства. Его сотоварищи – сын мелкого лавочника Тебас и плутоватого вида ирганин, представившийся Кимом, – с воодушевлением обсуждали только одну тему: что же их ждёт в замке Эрт? Строились самые разные предположения, но все они основывались на том, что наконец-то и им выпала счастливая дорожка. В мечтах каждый видел себя не меньше чем магистром, владеющим всеми приёмами магии и как минимум одним огромным замком, а также всеми привилегиями, из этого положения вытекающими.

– Матушка всегда говорила, что я особенный, – в двадцатый, наверное, раз повторял Тебас, трясущийся на смиренной покорной кобылке, – самый особенный из всех четырнадцати детей, которыми одарила моих родителей милостивая Крейна, богиня плодородия.

– Особенный, потому что самый толстый? – невинно глянул на излишне упитанного спутника Ким. Он никогда не упускал возможность поддеть простодушного сына лавочника.

– Где ты видишь, что я толстый? Я просто немного распустил пояс после обеда! Вот овладею магией, и первое, что сделаю, – это наколдую себе идеальную фигуру. Таковую, чтобы сама принцесса потеряла голову от одного моего вида!

– О-о, где ты и где принцесса? Да у них во дворцах каких только красавцев не ошивается! Тебя только и не хватает. Эй, Эн, – ирганин окликнул Энери, молчаливо следующего чуть поодаль, – ты тоже о принцессе думаешь?

Короткое «Нет!» было сказано так, что излишне разговорчивый Ким даже приотстал, только бы не встречаться ещё раз с этим жутким взглядом. Вечером, перед сном, они с Тебасом ещё раз обстоятельно обсудят своего третьего спутника: может, он является магом проклятой тьмы и сам тёмный бог Ниорх простёр над ним свою длань? В гостинице приятели обычно ночевали вдвоём в номере, который предоставлялся за счёт казны Магического Совета, а гордец и молчун Энери каждый раз оплачивал свой одноместный номер сам. И чего так относиться к товарищам? Они, если нужно, помогут, присоветуют чего полезного, и вообще...

А в голове Энери билась только одна мысль: «Я не думаю, не думаю, не думаю о принцессе!».

На постоянный двор прибыли поздним вечером. К большой досаде Энери, все помещения и даже чердак и конюшня этого убогого заведения уже были заняты путниками, спасающимися от разыгравшейся непогоды. Свободными оказались только две смежные комнаты, зарезервированные заранее для членов магического братства. Хозяин с неохотой передал магам ключи. Наверняка надеялся сдать эти «покои» намного дороже другим желающим провести ночь под крышей.

Выбор у Энери был небольшой: либо ночевать в комнатах с кем-то из спутников, либо оставаться в общем зале с другими такими же путешественниками, застигнутыми в пути непогодой. Общий зал отпадал сразу – стоило только туда заглянуть, становилось понятно, что все остальные постояльцы не очень-то расстроены задержкой и с удовольствием наслаждаются нехитрым ужином, обильными возлияниями и вниманием весёлых девиц.

К нескрываемому удивлению Кима и Тебаса, которые уже вовсю перемигивались с аппетитной подавальщицей, Энери заявил, что ночевать будет не с ними, а у магов. Юноша выпил кружку молока, съел краюху деревенского хлеба и, сославшись на усталость, сразу же отправился в комнату. Обстановка в ней была более чем скромная. Возле стен стояли два неказистых топчана, у подслеповатого оконца – стол, давно забывший свои лучшие времена. Около него – пара колченогих стульев. В небольшом закутке за столом был брошен на пол тюфяк для третьего жильца. И какое же спальное место выбрать? Здесь наверняка полно насекомых. Хотя, что это он? Топчаны, несомненно, предназначаются магам, а их подопечному выделен соломенный тюфячок на заляпанном полу. Ну и ладно! Не стоит забывать, кем теперь является Энери. На

сегодня он никто.

Маленький маг аккуратно развесил промокший плащ на спинке одного из стульев, опустился на доставшееся ему ложе, но даже не успел толком устроиться, как скрипнула входная дверь, и в комнату вошёл мэг Паррен – старший из двух магов. Этот худой жилистый мужчина преклонного возраста, маг огня, как подозревал Энери, был назначен сопровождать их небольшую группу только ради него и его нестабильной магии. Впрочем, какая разница. Жаль, что старик не зашёл чуть позже. Можно было бы притвориться спящим.

– Решил уйти пораньше? – эти маги совсем не понимают, когда с ними не хотят разговаривать.

Похоже, игнорировать вопрос старшего не получится, а потому отвечать придётся.

– Да, я устал и хочу спать! – Энери демонстративно повернулся спиной к собеседнику.

– Э-хе-хе, – под магом жалобно скрипнули доски рассохшегося топчана, – не понимаешь ты своего счастья. Молодость – вот оно, счастье. В твои-то годы я мог прокуролесить с друзьями всю ночь, а утром бежать на учёбу или в дозор.

Может, если молчать, то мэг Паррен поймёт, что в его воспоминаниях не нуждаются, и тоже замолчит. Но преимущества, даваемые при рождении в королевском дворце, остались в том самом дворце, и старик, не стесняемый субординацией, продолжил:

– В мире оно ведь как заведено? Молодые всё больше тянутся к молодым, а старики – к старикам. Знатные и богатые предпочитают общаться с себе подобными – с аристократами и теми, у кого водятся деньги. Даже последнее отребье, чтобы выжить, сбивается в шайки и ватаги. А тот, кто ни с кем не желает водиться, останется чужим для всех. И его будут травить с особой изощрённостью. Да-а, – протянул мэг Паррен, – с особой. И кто, думаешь, будет стараться больше всех? А больше всех будут стараться те, кого он избегает. Представители того круга, который он по каким-то причинам покинул, и того, в который попал, но не желает стать его частью. Вот так-то, мой мальчик.

Топчан под магом вновь протестующе закрипел, и в комнате повисла тишина, прерываемая равномерным сопением старика и тихими-тихими всхлипами в углу. Долгое время спустя с тюфячка раздались приглушённые слова:

– Мэг Паррен, я вас понял. Спасибо.

В ответ раздалось красноречивое похрапывание.

И всё же конец лета – это ещё не осень. Уже с утра ласковое солнце весело заглядывало в окно, избрав своим объектом для внимания именно Энери. Шаловливые лучи осторожно касались немного впалых щёк, играли проказливыми зайчиками в коротко стриженных волосах и почти насильно заставляли веки открыться. Ну что ж, если само солнце вынуждает признать, что и этот день, и сама жизнь не так уж и плохи, то не имеет смысла ему перечить. И парнишка вскочил со своего ложа. Соседей в комнате не было. Он широко открыл скрипнувшие оконные створки и выглянул во двор. Там уже умывались раздетые по пояс Тебас и Ким. Вид полуобнажённого мужского тела поначалу смутил, но, стараясь не показывать своих страхов, Энери приветливо крикнул побрякивающим от удовольствия спутникам:

– Доброго утра!

– О как! Нам, словно благородным, добра желают, – улыбнулся белозубой улыбкой Ким. – И тебе привет, Эн. Не желаешь взбодриться вместе с нами?

Первым порывом было сморщиться и сообщить, что он умоется как положено – в комнате, но Энери вовремя вспомнил слова старого мэга и, согласно кивнув головой, побежал вниз, к новым товарищам. Раздеваться по пояс он не решился, но с удовольствием подставил руки, а потом и голову под поток воды, щедро выливаемый из ведра Кимом.

– Эх, молодой, молодой, – посетовал ирганин, – зря ты не пошёл ночевать с нами! Лэра такая затейница! Э-э, Эн, да ты покраснел, как будто женских прелестей ни разу не видел! Так? Ну скажи, это ведь так, да? И чего тут стесняться? Держись старого опытного Кима, он поможет и всему научит. Правда, Теб? – Ким, к своим двадцати годам уже успевший в полной мере приобщиться к взрослой жизни,

обернулся к товарищу, который лишь довольно улыбнулся в ответ. – Вот дружище Тебас и не скрывал, что до сегодняшней ночи не имел опыта по женской части. А теперь посмотри на него – настоящий мужик! Даже живот втянулся, – и Ким звонко шлёпнул по выступающему рыхлому брюшку друга.

Тебас же в ответ на эти поощрительные слова приосанился и даже постарался выпятить грудь и втянуть живот.

– Ким плохого не посоветует, ты уж поверь, – солидно подтвердил он.

– Благодарю, Ким, как-нибудь в другой раз. Всему своё время, – постарался как можно дипломатичнее ответить Энери.

– Эх, Эн, Эн. Сразу видно, что ты из благородных, – продолжил разговор заводила их компании по дороге в зал, где предстояло завтракать. – Что же должно было случиться, чтобы маги наложили на тебя лапу и не в академию какую, а в замок Эрт отправили? Прощтрафился? А может, отец обеднел или в немилость впал? Какой у тебя дар?

– Воздух. А ещё огонь, – ответил Энери, но, заметив удивлённые взгляды товарищей, добавил: – Огонь нестабильный. Очень нестабильный.

– Да ты не иначе как самому королю не угодил! – присвистнул неугомонный Ким.

– Не свисти, магию выдуешь со свистом, – недовольно произнёс мэг Шанес, ещё один сопровождающий, уже сидевший за столом, к которому подошли парни.

Ким сделал вид, что испугался, и прикрыл рот ладонью.

Быстро собравшись, маги и их подопечные отправились дальше. Нужно было наверстать время, упущенное из-за непогоды.

По дороге словоохотливый Ким развлекал спутников рассказами о своих приключениях. Оказалось, что в дополнение к довольно слабому дару воздуха бывший бродяжка обладает и одной хитрой способностью – умением безошибочно определять, в каком кармане находятся монеты у незадачливого зеваки на рынке или же где стоит шкатулка с драгоценностями в доме у девицы,

пользующейся благосклонностью богатых господ. Ким и сейчас жил бы припеваючи, но его необычными талантами заинтересовались: сначала стража, что не сулило пойманному с поличным парню ничего хорошего, а потом, к его удаче, и маги, которые и спасли незадачливого поисковика от больших неприятностей. Пришлось, правда, соглашаться на магическую клятву, закреплённую клеймом, – и Ким показал татуировку на предплечье – перечёркнутый двенадцатью спицами круг. Ну да ладно. Зато теперь он не безродный воришка, а почти настоящий маг-поисковик.

История Тебаса была в чём-то схожей. Добрый увалень рос в многодетной любящей семье. Он был одиннадцатым ребёнком у родителей и первым сыном, которого им послала милостивая богиня Крейна. Потому так и тряслись над ним родители и все десять старших сестёр. Самое тёплое место – Тебику, самый вкусный кусочек – Тебику. Не сразу старшие стали замечать, что их обожаемый Тебик припрятаывает куски, которые не в состоянии съесть сразу. Да припрятаывает так искусно, что никто, кроме него самого, не может их обнаружить. Как выяснилось намного позже, Тебас наловчился открывать небольшие дверцы-порталы и именно в них прятал свои сокровища. По мере того, как мальчик вырос, размер порталов увеличивался, пока однажды доморощенный маг с редкой специализацией порталщика не открыл проход в иной, совсем недружелюбный мир. Спасло и его самого, и окружающих, только то, что проводил он свой эксперимент недалеко от храма огненного бога Дуарха, жрецы которого и сожгли всю нечисть, дружно хлынувшую из гостеприимно распахнутого прохода.

Да, в замок Эрт магический орден собирал очень занятные редкости. Потому и удивлялись новые товарищи тому, что с ними ехал Энери – самый обычный маг воздуха и огня, пусть и нестабильный. Для таких предназначались храмы, где сами боги помогали справиться с силой. На удивлённые вопросы друзей и заинтересованные взгляды сопровождающих молодой маг лишь пожимал плечами. Ему сказали, он и едет. Такой же подневольный, как Ким и Тебас.

Последний день ехали почти без остановок. Мэг Паррен сообщил, что к ночи они должны добраться до замка Эрт. К концу путешествия, растянувшегося почти на две долгие недели, Энери от усталости едва держался в седле. Впрочем, в отличие от Тебаса, которому такие путешествия тоже были внове, маленький рыжий маг огня молча сносил все тяготы пути. И даже старался быть полезным

на биваках, когда до очередного постоянного двора было слишком далеко и приходилось останавливаться на ночёвки под открытым небом. Чистил лошадей и собирал валежник для костра.

В первый же такой вечер выяснилось, что к готовке Энери подпускать не стоит. Впрочем, Ким оказался прекрасным кашеваром и с охотой взял на себя эту ответственную работу.

«Эх, Теб, Теб, – сокрушённо приговаривал он, устанавливая над костром котелок и глядя, как осунувшийся толстяк без сил падает на землю, – вроде бы ты на вид и покрепче нашего мальчика, но нет в тебе его силы». «Конечно, – стонал Тебас, – откуда же во мне возьмётся огонь. Я – маг-портальщик. Моя стихия – воздух». «Ну да, ну да, – соглашался ирганин и отбирал у Энери походный топорик, которым тот пытался разрубить неподатливые ветки. – Давай мне, а то останешься без пальцев».

Момент, когда мэг Паррен объявил, что они почти у цели, с облегчением восприняли все, даже бравирующий своей неутомимостью Ким. Издалека замок Эрт казался потусторонним видением с мелькающими там и тут мистическими огнями, заманивающими доверчивых путешественников в свои сети. Его неясные очертания сливались с заслоняющей половину безлунного неба темной громадой гор. Усиливало впечатление и настороженное давление, исходящее от сливающихся с ночной тьмой стен и бастионов, заметно нарастающее по мере приближения. Лошадь Энери, словно почуяв напряжённое состояние седока, сама начала взволнованно взбрыкивать.

– Что, давит? – к молодому магу приблизился мэг Шанес.

Бывают ситуации, когда нельзя показывать свою слабость, но в тот момент скрытность могла только помешать, и Энери согласно кивнул головой:

– Да, давит. Как будто проверяет и... не доверяет.

– Такое бывает с нестабильными, – пояснил сопровождающий маг. – Придётся потерпеть, тут уж ничего не поделаешь. Войдём в ворота, замок проверит тебя, убедится, что зла не несёшь, и всё прекратится. Давай поменяемся лошадками, мой меринок рвётся домой, его твое волнение не остановит.

– Спасибо, – благодарно шепнул Энери и спрыгнул со своей лошади, которая проявляла всё больше беспокойства.

Мэг Шанес тоже спешился, подвёл своего коня к Энери, забрался на нервно прядящую ушами кобылку, успокаивающе похлопал её по холке и уверенно послал вперёд. Энери глянул на оставленного ему мерина и понял – сил, чтобы забраться на него, уже не хватит. Придётся идти пешком, ведя коня в поводу. Стук копыт лошадей спутников был уже почти не слышен. Следовало торопиться, чтобы не пришлось ночевать под негостеприимными стенами замка, не успев до закрытия ворот, а про опасности, подстерегающие путника в приграничных землях, поговаривали всякое.

– Вы поезжайте, а я отолю и догоню, – донёлся издалека голос Кима.

В душе измученного Энери стыд из-за собственного бессилия смешался с невероятным облегчением от того, что его не бросили. Ведь в том, что Ким просто выдумал предлог, чтобы вернуться за отставшим товарищем, можно было не сомневаться. Невозмутимый ирганин подъехал, спешился, сложил руки лодочкой и кивком головы предложил вконец ослабевшему спутнику взобраться в седло. Удивительно, но обычно разговорчивый Ким на этот раз проделал всё молча. В глазах опять защипало. Ведь Ким, который выдержал тот же путь и трудился в дороге гораздо больше, чем Энери и Тебас вместе взятые, тем не менее вернулся и помог. Помог не потому, что Энери выше по рождению, а потому, что тот не справился бы без поддержки.

– Спасибо, Ким.

– Да ладно тебе, чего уж там, мы ведь друзья, – отмахнулся бывший воришка и пришпорил своего коня, словно не привык выслушивать слова благодарности.

А много ли их было в жизни Кима? Искренних слов благодарности? Может быть, столько же, сколько друзей у Энери в той, прошлой, жизни?

Обрадованный мерин не нуждался в понукании, он чуял родную конюшню и скорый отдых.

Рассмотреть замок так и не удалось. В какой-то момент глухой топот копыт по земле сменился более звонким цоканьем подков по деревянному настилу моста.

По мосту ехали долго. Стало понятно, что замок Эрт окружён не обычным рвом, а более крупным водоёмом, скорее всего, озером. Но даже это Энери отметил как-то вскользь, всепоглощающая усталость полностью завладела телом и разумом. Казалось, что в отяжелевшей голове, наполненной изматывающим гулом, не осталось места ни для одной мысли, в том числе об отдыхе. Только бы не свалиться с лошади, только бы удержаться в седле!

Их без проволочек запустили в небольшую калитку, в которую заходили уже спешившись, так как верхняя балка располагалась слишком низко для проезда верховых. На одном упрямстве Энери сам завёл кобылку в конюшню, сам расседлал и только тогда передал заспанному недовольному конюху. После этого, усилием воли разгоняя круги перед глазами, пошёл за хмурым провожатым – молодым мужчиной лет тридцати, назвавшимся Кэрном, который провёл их троих в длинный коридор-казарму, махнул рукой на две двери, коротко буркнул: «Сюда двое, сюда один!» – и молча удалился.

По сложившейся традиции Ким и Тебас дружно шагнули к той двери, куда неприветливый сопровождающий предложил заселяться двоим. Выбора у Энери не осталось. Наивно было бы надеяться, что ему предоставили отдельные апартаменты, но и стоять дальше в пустом коридоре тоже казалось глупым, и Энери открыл дверь в своё новое жилище. Света, падающего из небольшого оконца и полутёмного коридора, хватало лишь на то, чтобы разглядеть тёмные силуэты пары кроватей, стола и шкафа. Как же обидно быть магом огня и бояться зажечь даже маленький светлячок: не было гарантии, что от этого светлячка не полыхнёт вся комната, а от неё и замок. Не хотелось бы начинать знакомство с новым местом и новыми товарищами с такого неприятного инцидента.

Энери уже хотел на ощупь определить ближайшую свободную кровать и рухнуть на неё, как есть, грязным и в одежде, но вдруг тёмная груда на одной из кроватей взвилась, и к нему метнулось ужасное нечто. Неужели в замок пробралась тварь из Запредельных Земель? Измученный организм сдался и, тоненько взвизгнув, Энери потерял сознание.

– ...А я сказал, что наш новый товарищ будет жить в этой комнате, Сарт! – слышался сквозь гул чей-то напористый голос, кажется, того, кто ранее распределил новоприбывших по комнатам.

– Какой он мне товарищ, Кэрн? Он не товарищ, а так... принцесска! – возмущённо ответил кто-то совсем незнакомый.

Принцесса? Неужели?.. Энери резко провёл рукой по груди. Нет, грудь оставалась мужской. Проверять дальше не имело смысла. Чуда не случилось. Магистр Роэнс говорил, что от сильного шока прежнее тело может вернуться. Видимо, шок был не слишком сильным. Или королевский придворный маг просто пытался успокоить.

– Ещё раз назовёшь принцессой, и я вызову тебя на дуэль, – прохрипел Энери, с трудом открывая глаза.

– Должен тебя разочаровать, но дуэли в замке Эрт запрещены, п-принцесска, – презрительно скривившись, процедил одетый лишь в короткие бриджи высокий плечистый парень, – судя по всему, сосед по комнате.

– Ты услышал, – раздался от двери предупреждающий голос Кима, подоспевшего на шум. – Мы не дадим Эна в обиду.

– Мы и без дуэли сможем тебя достать, – подтвердил Тебас. – Эн – наш друг, помни это.

– Разошлись по комнатам! – раздался приказ Кэрна, похоже, имевшего право здесь командовать.

Сарт вытолкнул зевак в коридор и с треском захлопнул дверь. Энери остался лежать на одной из кроватей. словно сам собой погас магический светильник, и комната погрузилась во тьму. скрипнула койка напротив, и опять повисла тишина. Да, не самое удачное знакомство с соседом. Нужно завтра попросить кого-нибудь из старших, чтобы выделили другое жильё. На отдельные покои не стоило и надеяться, но не все же здесь такие грубияны? Тот же Кэрн, к примеру.

Нужно было пошевелиться и снять хотя бы сапоги. Но где взять на это силы? Оказывается, когда очень устал, можно уснуть и в обуви. Но что подумает Сарт, когда это увидит? Стараясь не стонать от боли в пояснице и не кряхтеть, Энери разулся, после чего обессиленно откинулся на тощую подушку. Удобства постели его уже не интересовали.

Глава 4

За окном звонко переплетались звуки труб, врываясь в крепкий сон-забытьё, в который впал Энери и из которого его вывели самым беспардонным образом – на голову парня обрушился поток ледяной воды. Что? Неужели он умудрился устроить пожар во сне?

– Горим? – бедняга резко подскочил с кровати, сдавленно охнул от боли, пронзившей измождённое дорогой тело, и ошалело огляделся.

Рядом с его кроватью возвышался хмурый парень, можно даже сказать, молодой мужчина. Именно что возвышался. Он был на голову выше Энери, намного плотнее в плечах, и вообще весь какой-то... опасный. Наверное, сосед по комнате. Как же его вчера называл Кэрн?

– Вставай и на выход!

– Никуда я не пойду! Эта комната такая же моя, как и твоя, – зло бросил Энери.

– Некогда выяснять, пора на утреннюю пробежку! – Сарт – само собой всплыло в памяти имя бешеного соседа по комнате – легко поднял парня за воротник одежды, в которой тот спал, и поставил на ноги. – Обуваться будешь? – буднично спросил он, словно не замечая сердитого взгляда. – Или вытащить тебя на плац прямо так? – и опять протянул ручищу к вороту. И ведь не шутит, гад! Правда потащит.

Энери, стараясь не показывать, как ему тяжело, нашёл свои сапоги и, сжав от боли зубы, стал обуваться. Краем сознания отметил, что сапоги не чищены. Ну да, оказывается, во дворце не всё само собой делалось. За одеждой принцессы, к примеру, следило сразу пять служанок, и это не считая фрейлин. Впрочем, какое дело простому парню Энери до фрейлин принцессы? У него совсем другие заботы. И первейшая из них – избавиться от зарвавшегося грубияна, который уже приподнял его за плечи и легко выставил из комнаты. Впрочем, сам он тоже там не остался, а, подгоняя сопротивляющегося соседа, погнал его дальше по коридору. Как оказалось, в коридоре были не они одни. Хлопали двери, из них

выбегали парни и девушки и, весело переговариваясь, спешили к выходу.

– О, Сарт, – приветствовала их одетая в мужские брюки и куртку поджарая брюнетка, поджидавшая в коридоре, – в нашем крыле пополнение? Какой милый парнишка. Уж не к тебе ли в напарники его назначили? Привет, я Лиэрда, – призывно шепнула она уже Энери, – для тебя просто Ли. Са-арт, – она томно протянула имя неприветливого спутника Энери, – ты ведь не будешь возражать, если я присоединюсь к тебе и тоже возьму шефство над новеньким?

– У него и спроси, – зло буркнул Сарт и ускорил шаги.

– Ах, такой грубиян – и такой душка! – Лиэрда мечтательно закатила глазки, но потом, словно спохватившись, повернулась к Энери и сказала уже ему: – Но что это я всё о нём. Давай поговорим о тебе. Как тебя зовут? Ты какой-то особенный, да? Поэтому ты здесь?

Разговаривать с Лиэрдой, казавшейся излишне навязчивой и даже вульгарной, совсем не хотелось. Но здесь начинается совсем другая жизнь. С другими людьми и другими правилами. Жизнь, в которой становится нормальным общаться с такими вот... излишне свободными в своём поведении девицами в мужских костюмах.

– Можешь звать меня Энери. Моя магия огня нестабильна. Потому я здесь, – ответил Энери. Не смотри он пристально в это время на широкую спину ушедшего вперёд Сарта, ни за что не заметил бы, как дёрнулись его плечи. Неужели вслушивался в их разговор?

– Вот как? Нестабильная магия огня? Странно, почему же вас объединили с Сартотом? После гибели Берта и Белины никто не хотел идти к нему в напарники. Я уж хотела дать согласие, но вдруг появился ты. – Интересно, растерянность, прозвучавшая в голосе Лиэрды, была искренней или, как показалось, Энери, напускной?

– Меня никто не назначал в напарники Сарту, – сухо проинформировал Энери.

– Вот как? – повторила собеседница. – Но тебя же поселили с ним?

– Я занял одно из трёх мест, на которые указал Кэрн. Никто не назначал меня напарником Сарта. Это обычная случайность, думаю, скоро всё прояснится, и ты сможешь получить желанного напарника, – разговаривать с Лиэрдой не хотелось, но она могла поделиться нужной информацией.

– Случайность? Ты называешь это случайностью? Видишь ли, милый Энери, замок Эрт настолько пропитан магией, что в нём случайности не случаются!

Да эта Лиэрда была просто кладезем информации! Болтушка охотно делилась всем, что знает, нужно было лишь слегка подправлять щедрый поток её словоизлияний. К сожалению, продолжить разговор им не удалось. Через широкие массивные двери они вышли на огромный плац, в центре которого недовольно покрикивал на выходящих одноногий мужчина с густой, но совершенно седой шевелюрой, из-за которой сложно было вот так сразу понять, сколько же ему лет.

– Сержант Гритц, – шепнула Лиэрда. – Ох и зверь же он. Не рекомендую привлекать лишний раз его внимание.

– Чего замерли! – разнёсся над плацем недовольный сержантский голос. – Или решили, что сегодня вас на пикник вывели? Пэнтиш, Роува, не ждите моих особых пинков. Вперёд!

– Это он нам с тобой, давай быстрее! – и Лиэрда, схватив за руку недоумевающего парня, влилась в толпу бегущих парней и девушек.

– Лиэрда, куда мы бежим? – Энери не видел смысла в беге по кругу.

– Пятнадцать кругов парням, десять – девушкам, обычная разминка перед тренировкой, – новая подруга ограничилась минимумом слов.

– Разминка? Но зачем? – Энери попытался остановиться, и его обругал чуть не врезавшийся сзади ещё один такой же бегун.

– Надо! Беги и береги дыхание!

Ну, надо так надо, и Энери побежал. Совсем скоро он понял, что пятнадцать кругов вокруг огромного плаца не пробежит даже... даже ради спасения собственной гордости. Сил просто не было. Вот же мерзавец Сарт! Тебаса и Кима на этой экзекуции не было, а значит, им дали отдохнуть после изнурительной дороги. А Энери, выбиваясь из последних сил и давно отстав от ушедшей далеко вперёд Лиэрды, начинал всего третий круг.

Многие парни и девушки заканчивали бег и уходили в центр плаца, где разбивались на пары и готовились к спаррингам. Каждый занимался своим делом: некоторые брали в руки мечи, остальные – другое оружие: топоры, алебарды, даже крестьянские косы, – и становились на позицию. Кто-то готовился тренироваться и вовсе без оружия, были и отрабатывающие удары в одиночку.

Энери давно утратил интерес к происходящему вокруг и продолжал бег на одном упрямстве. Сквозь саднящее горло хрипло вырывался колючий воздух, казалось, что в боку кто-то с особой жестокостью ворочал зазубренный кинжал. Только бы не закончилась эта бесславная пробежка вокруг плаца позорным падением на виду у всех.

Перед глазами прыгала утоптанная сотнями ног дорожка.

– Левое крыло! – раздался грозный окрик всё того же сержанта Гритца. – На разминке нет двух ваших бойцов! Кэрн?!

Кэрн – тот самый страж, который вчера встречал новичков – хмуро оглядел собравшихся на плацу, молча кивнул головой и, поставив обратно в стойку боевой топор, отправился из центра поля опять на его край, чтобы продолжить бег. За ним, не скрывая своего недовольства, потянулись парни и девушки – видимо, члены левого крыла. К этому времени на дорожке остались только Энери, бегущий свой пятый круг и, как ни странно, Сарт.

Сил размышлять о местных методах воспитания и тренировках совсем не оставалось.левой, правой.левой, правой. Вдохнуть сухой колючий воздух – и ещё шаг. Не дождутся. Он не ляжет и не попросит пощады. Неизвестно через сколько вечностей Сарт уже привычным жестом придержал изнемогшего Энери за ворот и сказал:

- Пробежка закончена. Отправляемся на тренировку, принцесска.

Энери нелепо замахнулся ослабевшей рукой и опустил её на грудь наглеца, вновь осмелившегося назвать его принцесской. На удивлённо приподнятую бровь ответил градом таких же ударов.

- Это ты что? Меня сейчас бьёшь? - казалось, Сарт был искренне удивлён.

- Да! И пусть я понесу наказание, но ты навсегда запомнишь: моё имя - Энери!

- Э-э, видишь ли, Энери, - сосед по комнате развернул своего негодующего напарника и лёгким шлепком по спине направил к основной группе, уже занявшей позиции для тренировки, - меня девушки ласкали крепче, чем ты сейчас бил. Надеюсь, ты не из этих?

- Из каких - этих? - Энери стало интересно.

- Из тех мальчиков, кто по мужской части.

- Что?! - глаза и рот у бедняги одинаково округлились.

- Эй, голубки, отставить любезности! - заорал через весь плац сержант Гритц. - Дел других нет? Миловаться будете потом!

Под грохнувшим на плацу хохотом Энери сжал зубы и прикрыл глаза. Только бы не сорваться. Только бы не спалить здесь всё, начиная от ненавистного Сарта и заканчивая неотёсанным сержантом. Нужно срочно что-то ответить. Только вот что?

Лихорадочные размышления прервал Сарт. Он обвёл тяжёлым взглядом примолкших весельчаков и, сделав несколько шагов по направлению к командиру, сказал так, чтобы слышали все:

- Ваше счастье, сержант, что вы калека, иначе я не посмотрел бы на кодекс стражей и вызвал вас на дуэль, - после чего ещё раз оглядел онемевших товарищей.

К удивлению всех собравшихся на плацу, сержант не стал тут же наказывать зарвавшегося подчинённого, а набросился именно на них.

– Чего развесили уши?! Спарринги никто не отменял! Вентер – в пару к Кэрну! Роува – ко мне!

Сарт подошёл к стойке с оружием, выбрал меч и направился к ожидающему его Кэрну. Вскоре звон их клинков присоединился к общей какофонии лязгающего оружия.

– Раздевайся! – приказал сержант, как только Энери подошёл к нему.

– Что?

Неужели сержант что-то заподозрил и считает, что Энери может быть девушкой? Ещё никто посторонний ни разу не видел его обнажённым. Да что там посторонний, Энери сам никогда не смотрел на себя в зеркало, будучи полностью раздетым. Он даже в туалет ходил по-прежнему, по-девичьи. До того было противно вновь смотреть, и уж тем более дотрагиваться до того, что увидел, когда... впрочем, не стоит вспоминать.

– Я сказал, раздевайся! – рявкнул Гритц.

– Зачем? – удалось выдать через возникший в горле ком.

– Будем смотреть, как развито твое тело. – неужели во взгляде этого монстра промелькнула жалость? Затем градом посыпались вопросы: – Каким оружием владеешь? Меч? Секира? Шпага? Хотя бы кинжал? – с каждым отрицательным жестом Энери голос сержанта становился всё безнадежнее. – Вентер, ко мне! – зычно закричал он на весь плац. – А ты пока снимай куртку и рубаху, – мучитель не забыл, что ещё не до конца опозорил парня.

Сарт, отвлекшись на окрик командира и, к собственной досаде, пропустив из-за этого бесхитростный прямой удар соперника, прервал поединок и направился к сержанту. Когда он подошёл, Энери расстегнул едва ли половину пуговиц на куртке.

– Роува, если ты не оголишься сей же момент, я сам срежу с тебя всю одежду, – Гритц был неумолим.

Это не страшно, не страшно. Ким и Тебас всегда раздевались по пояс, когда мылись с дороги. Да и сейчас многие парни одеты только в бриджи, а девушки – в безрукавные тонкие туники, почти не оставляющие места мужскому воображению. Энери обречённо бросил куртку и рубаху на безразличные к его переживаниям камни плаца. Казалось, у него горит не только лицо, горит шея, грудь и вообще всё тело. Только бы не воспламениться в буквальном смысле!

– Что скажешь? – деловито поинтересовался сержант у подошедшего Сарта, при этом скептически осматривая тело Энери.

– Что скажу? Скажу, есть над чем работать, – сосед по комнате даже обошёл вокруг парня, внимательно разглядывая его хилую комплекцию.

– Берёшься?

– А у меня есть выбор? – Сарт протянул руку, желая ощупать жалкое подобие бицепсов на руке Энери, но тот, вмиг забыв про усталость, злобно зашипел и отскочил на несколько шагов.

– Ты что? Я хотел лишь проверить твои мышцы!

– Свои проверяй! – из-под рыжих вихров опасно сверкнули глаза загнанного зверя.

– Снимай и ты рубаху, – как-то устало проговорил сержант.

Сарт недоуменно глянул на командира, но перечить не стал. Через несколько мгновений его рубашка упала рядом с одеждой Энери, а сам Энери остановил на ней застывший взгляд.

– Смотри сюда! – пальцем свободной руки, не опирающейся на костыль, сержант ткнул в крепкую грудь Сарта, приказал тому повернуться и звонко хлопнул по твёрдому плечу: – Вот такого тела ты должен добиваться!

Энери украдкой глянул на обнажённый торс своего соседа по комнате. Какой-то иррациональный страх сковал тело. Новичок до звона в голове боялся, что увиденное опять унесёт его в прошлое, где... Но нет, тело Сарта, как и, казалось бы, совсем не похожие на его тела Кима и Тебаса, ничуть не напоминало холёное тело предателя. Сосед был гораздо шире в плечах. Под загорелой, в капельках пота, кожей отчётливо выделялись сухие, как канаты, мышцы. У Энери даже промелькнула предательская мысль, а так ли тверды эти мышцы, как кажется?

- Мне никогда не стать таким, - он опустил голову.

- Таким и не нужно, - неожиданно мягко произнёс сержант, а потом добавил уже в своей обычной манере: - Одевайся и иди выбирай себе оружие!

Два раза повторять не понадобилось. Энери быстро натянул на себя одежду и побежал к стойке с оружием.

- Ты думаешь о том же, о чём и я? - задумчиво спросил старший страж у молодого.

- Я думаю, над ним надругались...

- Справишься?

- А у меня есть выбор? - вновь спросил Сарт.

И сержант, и его ученик-страж сделали вид, что не заметили татуировку, расположенную на левой стороне груди мальчика - колесо с четырьмя спицами.

Энери обречённо ходил около стоек с оружием. К счастью, сержант Гритц не обращал на него внимания, он орал на кого-то в другом конце плаца. Некоторые виды колющего, режущего и прочего инвентаря для убийства были знакомы. Другие - вроде огромного молота или шипастой палицы - казались явными анахронизмами. Объединяло железяки одно - они все были настолько тяжёлыми, что не стоило и надеяться удержать в руках хоть что-нибудь из этого

арсенала.

Пока Энери разглядывал всю эту смертоубийственную жуть, над плацем раздался звонкий звук гонга. Парни и девушки тут же прекратили тренировку, аккуратно разложили своё оружие по местам в стойках и, весело переговариваясь, поспешили к одноэтажной пристройке, из которой уже давно неслись одуряющие запахи пищи.

- Роува, - услышал новичок голос сержанта, - ты определился с оружием?

Глупо было надеяться, что про него забудут.

- Нет.

- Сержант Гритц.

- Что?

- Ко мне положено обращаться «сержант Гритц».

- Нет, сержант Гритц, я не подобрал себе оружие. Похоже, всё, что здесь находится, для меня слишком тяжёлое.

- Что ж, самокритично. Это радует, - похвалил сержант. И тут же прикрикнул с досадой: - Но и плохо! Что мне прикажешь с тобой делать? Присылают тут всяких!

- Использовать мои сильные стороны. И развивать слабые, - Энери уже начал догадываться, что подчёркнутая суровость одного воина - всего лишь средство заставить будущих стражей полностью выкладываться на тренировках, и за ней скрывается неподдельная забота о подопечных. Ведь им предстояло защищать не только свои жизни, но и жизни доверившихся им мирных жителей.

- А ты наглец, Роува, - протянул сержант Гритц, окидывая парня внимательным взглядом. - Наглец и упрямец. И это, похоже, пока все твои сильные стороны. Бегом в столовую! - прикрикнул он. - После будем думать, как тебя... развивать.

Энери кинулся туда, где уже давно скрылись все остальные. Есть хотелось очень. Поужинать вчера не удалось, да и сегодняшнее утро потребовало много сил.

В помещении стоял весёлый гам. Из-за столов, находящихся по обе стороны центрального прохода, на новичка, ничуть не скрываясь, бросали любопытные и слегка настороженные взгляды. К счастью, он был не единственным опоздавшим. Энери заметил, как две хихикающих девушки подошли к раздаче, где дородная молодая повариха поставила перед ними щедро наполненные тарелки. Оказывается, здесь принято брать еду самостоятельно. Хорош был бы новичок, если бы уселся за стол в ожидании, пока обслужат.

– Худенький-то какой, – жалостливо произнесла внушительная дама на раздаче. И на поднос плюхнулись тарелки с таким количеством съестного, которого хватило бы на два, а то и на три дня.

– Госпожа повар, мне столько не съесть, – пытался протестовать Энери.

– Придумал тоже, госпожа! – все три подбородка поварихи благосклонно колыхнулись. – Какая я тебе госпожа? Я Эста, просто Эста. Все меня так зовут, и ты зови, – и Эста любовно подложила худосочному заморышу ещё пару оладушек.

Энери заметил, что ему машет Ким, сидящий рядом с Тебасом за одним из столов по левую сторону центрального прохода. Вот и хорошо, а то сложно было определиться, куда пойти со своим огромным подносом. И пусть справа виднелась пара незанятых столиков, но не стоило выделяться из общей массы. Как сообщили друзья, он поступил верно. По правую сторону прохода завтракали представители правого крыла стражей. И они только что под глумливое улюлюканье прогнали со своей половины новичков чужого крыла, о чём и поведал ничуть не огорчившийся Ким.

Не успел Энери приступить к завтраку, как к ним подошёл Кэрн. Даже не поздоровавшись, староста крыла ударил по столу немалым кулаком.

– Эй, приятель, ты что? Я чуть не подавился! – испуганно воскликнул Тебас.

– Золотушная горгулья тебе приятель, – зло сообщил молодой страж, – а я для тебя командир Кэрн. Почему вас не было на утренней разминке?!

– Так это, спали мы с устатку. Да ты и сам знаешь.

– Причиной отсутствия на тренировке может служить дежурство, тяжёлое ранение или смерть! – припечатал Кэрн. – Из-за вас все стражи нашего крыла бежали дополнительные круги. Пока вам не назначили дежурств и занятий – двадцать кругов по плацу каждому!

Тебас открыл было рот, чтобы возмутиться, но Ким остановил его движением руки:

– Мы поняли тебя, командир Кэрн. Когда бежать?

– Прямо сейчас и побежите, – безапелляционно ответил старший левого крыла и отошёл.

– Как это прямо сейчас? – обиженно спросил Тебас у сотрапезников. – Кто же бегает после плотного завтрака?

– Значит, завтракай не так плотно! – Ким отодвинул от себя тарелку с недоеденным пирогом и поднялся из-за стола.

Тебас бросил грустный взгляд на свои едва начатые блюда, на груды оладий на тарелке Энери, с которой тому ни за что не справиться в одиночку, вздохнул и последовал за товарищем.

Так вот почему Сарт силой вытащил Энери из постели? Если кто-то из крыла пренебрегает своими обязанностями, их выполняют другие стражи. И не потому ли он остался на круге, когда все уже закончили бег? Его напарник не выполнил норму в пятнадцать кругов. Стыд-то какой! Завтра нужно встать пораньше и самому пробежать свои круги. Нет, даже не так. Энери пробежит сегодня то, что за него отбегал Сарт. Не хватало ещё принимать какие бы то ни было подачки.

Глава 5

– Ох, кажется, я уже начинаю жалеть, что мне достался магический дар, – жалобно простонал Тебас после того, как они с Энери пробежали положенные круги и почти рухнули на чахлую травку, росшую в дальнем уголке плаца. – Сидел бы сейчас в папиной лавочке, на девчонок в окно поглядывал.

– То-то и оно, что поглядывал в окно, – усмехнулся неунывающий Ким. Похоже, для бывшего воришки бег не был запредельной проблемой. Можно даже предположить, что не раз свою шкуру он спасал именно бегом. – А здесь – смотри, какие ляльки, – он повёл рукой в сторону плаца, на котором продолжали тренировку несколько пар. – На тебя дома когда-нибудь так призывно смотрели? То-то, – Тебас озорно подмигнул поглядывающей в их сторону Лиэрде.

Энери не слушал привычный трёп своих спутников. Всё как всегда. Тебас разглагольствует о еде и о том, как его берегли дома, а Ким – о девушках. Как же красивы плывущие в синем небе облака! И почему он этого не замечал раньше? Белые, важные, совсем как придворные дамы. Вон то – прямо-таки сама статс-дама Элексинта. Какая жалость, что высокие стены и башни не позволяют рассмотреть того, что находится снаружи! Вчера, в неверном свете факелов, можно было только понять, что замок окружён водой и прижимается к горам, образующим границу с Запредельными Землями. Собственно, эти горы так и назывались – горы Предела. И расположенная вдоль них сеть фортификаций охраняла людские земли от разнообразной жути, что лезла из-за этих самых гор.

Веки, поддавшись усталости, почти совсем сомкнулись, когда внимание Энери привлекло что-то необычное. Чинное дефиле дам-облаков разорвал смелый тёмный росчерк. Дракон? Неужели дракон?!

– Дракон! Дракон! Тебас, Ким, смотрите, настоящий дракон! – сон мгновенно покинул разомлевшее тело, и Энери был готов бегом бежать за исчезнувшей за громадой замка летающей рептилией. – Сержант Гритц, это же настоящий дракон, да? Здесь есть драконы?

– Чего разорался? Всех стражей перепугал своим криком, – недовольно проворчал сержант, дав отмашку парам на плацу, и те продолжили тренировку.

– Сержант Гритц, – Энери, забыв про усталость, уже был рядом с одноногим воином, – здесь есть драконы? А где они живут? А кто их всадники? И, и... самки есть?

– Эк тебя проняло, – усмехнулся сержант, – уж не думаешь ли ты, что вот так запросто придёшь к кладке и выберешь себе птенца? Быть допущенным к кладке – это, знаешь ли, большая привилегия. Её ещё заслужить нужно. Вас эвона сколько, да ещё к каждой кладке оттуда, – наставник поднял вверх указательный палец, – приедут. Таких щеголов не допустят даже на скорлупу посмотреть!

– А кого допустят, сержант Гритц?

– Самых достойных, – веско ответил воин.

Да, глупо было надеяться попасть к кладке в первых рядах. Кто он теперь? Да вообще никто. Оружием никаким не владеет, с магией справиться не в состоянии. Бегать – и то не может.

– Сержант Гритц, можно я выберу себе оружие?

– Какое тебе оружие, щегол? Ты же его поднять не сможешь!

– Энери Роува!

– Что?

– Моё имя – Энери Роува, сержант Гритц, – смело глядя в холодные стальные глаза, произнёс Энери.

– Энери Роува, значит. Ну, что ж, Энери Роува, пойдём! И вы, лежебоки за нами! – прикрикнул сержант на Тебаса и Кима, а затем быстро, так, что парни еле поспевали, заковылял к стене арсенала, около которой и находились стойки с оружием. Он прошёл мимо всего этого изобилия орудий убийства, бухнул кулаком в массивную дверь и, когда она открылась, переступил порог. – Чего замерли? Бегом за мной!

В помещении, именуемом арсеналом, было прохладно и светло. Солнечные лучи падали через расположенные под потолком бойницы, такие узкие, что в них едва ли пролезла бы кошка. Для дополнительного освещения к стенам были прикреплены магические светильники.

– Привёл новичков, Дер? – обратился к их сопровождающему крепкий мужчина, ласково протиравший огромный меч бархатной тряпочкой.

От обилия оружия даже кружилась голова. Как же выбрать своё? Жалобно охнул Тебас, восторженно присвистнул Ким, глаза которого профессионально отметили самые дорогие экземпляры.

– Ленц, помоги этим двоим подобрать оружие. Я пока займусь мальцом, – и сержант, кивнув головой, повёл Энери вглубь помещения.

Они подошли к полкам, на которых лежали разные мелкие... нет, не штучки и не безделушки. Мелкие, но от этого не менее опасные орудия убийства.

Метательные кинжалы, металлические шары, заострённые полумесяцы, диски и звёздочки. Наставник ловко набрал в подсумок целый арсенал и подошёл к невысокой стойке, на которой аккуратно разложил все смертоубийственные вещицы. После этого стал брать их по одной и быстро метать в деревянные мишени, расположенные шагах в пятнадцати. После того, как всё железо успешно заняло свои места на мишенях, сержант произнёс:

– Тренируйся! Это и будет твоим заданием на сегодня – выбрать оружие, которым в будущем ты должен овладеть в совершенстве. И помни, это не отменяет тренировочных боёв на мечах. Скажу мастеру Ленцу, чтобы он подобрал тебе клинок по силам. Чего замер?! – прикрикнул Гритц. – Быстро очищай мишени и принимайся за дело!

Энери кинулся исполнять команду, рассчитывая, что к его возвращению ворчливый наставник исчезнет, но тот и не думал уходить. Раз за разом опытный воин показывал новичку, как нужно держать то или иное метательное оружие, как замахиваться и даже как дышать в этот момент. Ну что сказать? Больше всего за сегодняшний день обогатился словарный запас незадачливого ученика.

– Это тебе не вирши плести, – назидательно сказал сержант, когда Энери совсем обессилел. – На сегодня хватит, завтра продолжишь. Пойдём посмотрим, что тебе предложит мастер Ленц.

Мастер оружейник, увидев их, лишь улыбнулся.

– А что, Деринг, умотал тебя новый боец? – хитро спросил он. – Давно я не слышал, чтобы ты так ругался.

– Ты у меня ещё слушаешь, – добродушно ответил сержант, а потом поинтересовался: – Подобрал оружие?

– Подобрал, как не подобрать. Вот, – и оружейник указал на ряд лежащих перед ним мечей.

На столе, сколоченном из грубых массивных досок и покрытом куском дерюги, Энери увидел десятка полтора изящных мечей, шпаг и сабель. Объединяло их одно – все эти колюще-режущие предметы на первый взгляд казались сравнительно лёгкими. Рукояти некоторых сверкали полудрагоценными камнями, другие были откровенно ржавыми. Как говорил совсем недавно сержант Гритц? «Держи эфес нежно, как свой член. А это самое драгоценное, что у тебя есть. Почувствуй все изгибы. Сроднись с ними. Ведь оружие – это продолжение тебя самого!». И пусть примеры и сравнения наставника были грубыми, но в них содержалась истина.

Энери подошёл к столу с предложенным оружием и закрыл глаза. Взятая наугад за одну из рукоятей. Неудобные камни мешали держать захват. Другая оказалась слишком широкой для его руки, третий меч – тяжеловатым. Перебрав вслепую все предложенные орудия, будущий страж отложил несколько на пробу и открыл глаза. Надо же. Остались в стороне все инструменты, украшенные камнями и позолотой. Перед ним лежали три простых клинка. Сильнее всего тянуло к неказистому, потемневшему от времени мечу, рукоять которого была плотно обмотана постаревшей и обтрепанной кожей. А ещё он был очень лёгким, хоть и не самым миниатюрным из предложенных. Покрутив опасную игрушку так и этак, Энери признался:

– Я бы выбрал этот. Только...

- Что только? – мастер Ленц хитро прищурился.

- Я не смогу сам привести его в порядок.

Оружейник выбрал себе меч из висевших на стене за его спиной, коротко сказал: « Пойдём!» – и вышел на плац. Там он встал в стойку и сделал выпад, велел ученику повторить. Энери, как мог, повторил движение, неуклюже сжимая в руке тёплую на ощупь потёртую кожаную рукоять. За первым последовали другие.

- Не думай о том, что я могу задеть тебя, не старайся достать меня сам, – поучал мастер, – слушай меч. Почувствуй, можешь ли ты с ним срастись? Станет ли он такой же частью тебя, как рука?

- Пока получается не очень. Но я буду стараться!

- Ты уж постарайся, – проворчал мастер Ленц, – а я, так и быть, приведу твоё оружие в надлежащий порядок. Но после ты будешь ухаживать за ним сам!

- Да, мастер Ленц! Конечно, мастер Ленц!

- Свободен! – грозным окриком отпустил ученика сержант.

- Как ты думаешь, это случайность? – спросил он у старого друга после того, как Энери скрылся за дверьми жилой части замка.

- Он смог удержать Агурон, а это уже немало, – и оружейник ласково провёл заскорузлой рукой по тёмному лезвию клинка, выбранного Энери. – Так-то, Агурон, может, и твоё время настало.

После обеда Энери хотел пойти к мастеру Ленцу, чтобы посмотреть и поучиться, как нужно ухаживать за оружием, но к их столу подошёл Кэрн и сообщил, что новичка ждёт магистр Конисел.

– Лаборатории магистра вон в том флигеле, – любезно указал командир на одиноко стоящее здание в дальнем конце хозяйственного двора.

– Спасибо, – благодарно улыбнулся в ответ Энери.

– И откуда только ты взялся такой вежливый, – покачал головой Кэрн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/lesnikova_rina/nestabil-naya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)